

ЖАКЛИН СИЛЬВЕСТР

ВУНДЕРКИДЗ

КНИГА 2. ПОМЕСТЬЕ УЭЙКФИЛД

Жаклин Сильвестр
Вундеркидз.
Поместье Уэйкфилд
Серия «Вундеркидз», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54778102

*Вундеркидз. Поместье Уэйкфилд. Книга вторая : роман / Жаклин Сильвестр ; [пер. А. Чайковского, рис. В. Н. Санджиевой, оф. фортацев Vod 27, рис. на переп. С. Тотладзе, оф. переп. Captcha Studios]. : Детская литература; Москва; 2020
ISBN 978-5-08-006396-1*

Аннотация

«Вундеркидз. Поместье Уэйкфилд» – вторая часть трилогии о юной художнице Нике Мейсон.

После побега из Вилдвудской академии она с друзьями оказывается в Мексике. Здесь их ждут испытания предательством, верностью и любовью.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	54
Глава 5	61
Глава 6	72
Глава 7	86
Глава 8	106
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Жаклин Сильвестр

Вундеркидз. Поместье

Уэйкфилд. Книга вторая

*Любимым моим ребятам: Ники, Мише и Дэвиду.
А также – моему папе. Надеюсь, Рай похож
на Мальдивы и ты проводишь время в караоке с
остальными зашедшими рок-звездами.*

Jacqueline Silvester

WUNDERKIDS PART 2: Wakefield Manor

Перевод Алексея Чайковского

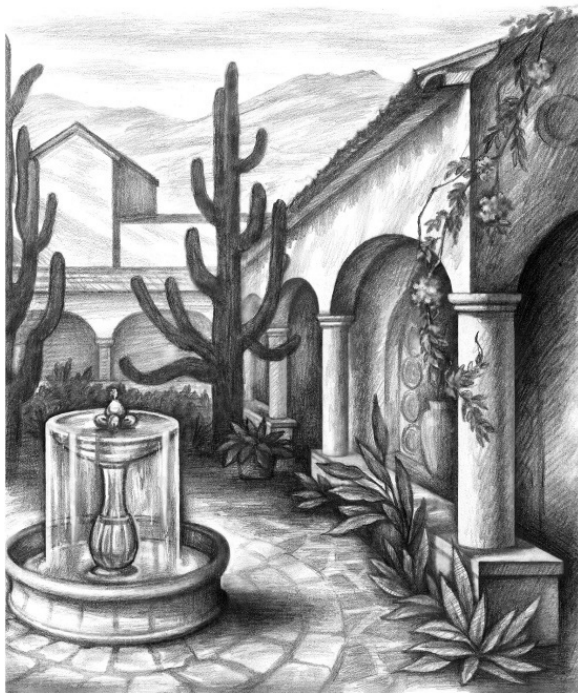
Рисунки В. Н. Санджиевой

© Жаклин Сильвестр, текст, рисунок на переплете,
оформление переплета, 2020

© Перевод, оформление, иллюстрации. АО «Издатель-
ство «Детская литература», 2020

Часть I

О золотых клетках и подрезанных крыльях

Глава 1

Ника

Нике снился кошмар – безмолвный вязкий мрак, в котором двигались бесшумные тени, стараясь затащить ее в черную бездну. Подобно русалкам, они выныривали из темных глубин и, ослабившись, тянули Нику за пальцы ног, чтобы утопить ее. Она проснулась с резким вздохом и болезненно прищурилась на яркий свет.

Ника не запомнила, что именно ей снилось, и это необычное ощущение неспособности вспомнить было и жутким, и освобождающим одновременно.

Она неуверенно пошевелила пальцами ног, рук, потом – ладонями, как будто выходя из комы. Когда ее глаза наконец привыкли к свету, Ника обнаружила, что она в просторной залитой солнцем спальне, окрашенной в бежевые и розовые тона. Над головой лениво вращались лопасти темного деревянного вентилятора. Сама она была словно упакована между одеялом и матрасом, как письмо в конверте.

Нике не в новинку было просыпаться в новом месте. В прошлом с ней такое случалось десятки раз: новое жилье, аренда по случаю, затхлые гостиничные номера... Ах да... еще ее милая комнатка в общежитии Вилдвудской академии. Но всякий раз это было прямым результатом действий матери – неоплаченного счета, разрыва отношений, отправлен-

ного без ведома Ники заявления в школу...

Ника свыклась уже со швыряющей ее к неизведанным берегам непредсказуемостью матери; однако до сих пор ей не доводилось просыпаться неведь где, даже не зная, как она туда попала.

В одно мгновение ее охватила острая паника, и Ника словно ошпаренная вскочила с кровати. В ответ на резкое движение вспыхнула дремавшая мигрень: боль обрушилась жгучим каскадом, сопровождаемым ритмичным грохотом и вибрацией. Ника прошипела в пустоту комнаты длинную череду проклятий. Где она, черт возьми, находится? И как она, черт возьми, сюда попала?

В комнате стояли деревянный шкаф с резными дверцами, ночной столик и тумбочка в том же стиле. Французское окно до пола. В углу высокое дерево в горшке, на стене большой металлический крест бирюзового цвета. Через арочный проход виднелась выложенная плиткой чистая и красивая ванная комната.

Ника пересекла комнату и выглянула в окно. За стеклом раскинулся ухоженный парк с кактусами, цветниками и кустарниками. Изразцовые дорожки тянулись по земле коричневыми нитями, соединяя декоративные озерца и белые статуи.

Все такое яркое! Все такое живописное!

Но Ника не доверяла подобной красоте. Уж этому-то ее в Академии научили. Замечательная частная школа предоста-

вила ей все якобы даром, но на самом деле – только потому, что они намеревались похитить ее талант и продать его по самой высокой цене. Ей вспомнилось, как Академия хотела передать ее способности Заку. Сейчас она, конечно, понимала, что Вилдвуд покушался на ее фотографическую память.

Зак. В последний раз она видела его, когда парня тащили в лимузин.

Где он сейчас? Все ли с ним в порядке? Ника закрыла дверь этим мыслям в своей голове. Зак сейчас был вне пределов досягаемости. Не рядом. *Пока еще не рядом.*

Вдали виднелась стена, ограждающая всю территорию. За стеной раскинулась пустыня, автострада и что-то еще мерцало вдалеке – возможно бензоколонка.

«Я в закрытом комплексе», – эта мысль прорезала еще немного сонное сознание, как сверкающий луч солнца густую траву. Тошнота подкатила к горлу. Ника бросилась в ванную и стала, жадно глотая, пить из крана. Большие глотки воды тяжело падали в желудок.

В зеркале она увидела свое отражение в ореоле светлых вьющихся волос – спутанных и грязных. Темные мешки под серыми глазами. Ника выглядела бледной и болезненной. Она плеснула в лицо холодной водой, затем подошла к резной двери. Прислушалась.

Полная тишина.

Ника чуть приоткрыла дверь, с облегчением обнаружив, что она не заперта, и выглянула в щель. Длинный белый ко-

ридор с целым рядом резных дверей, растений в больших горшках и украшенных подушками скамеек тикового дерева.

Ника услышала шаги. Она осторожно притворила дверь и стала смотреть в замочную скважину. Мимо прошел солидный мужчина с идеальной осанкой, одетый в черную рубашку и брюки, напоминающие униформу. Ника затаила дыхание, увидев пистолет в кобуре у него на бедре, как раз перед тем как незнакомец исчез, повернув к лестнице в конце коридора.

Это охранник, поняла Ника. Она выждала несколько секунд, чтобы убедиться, что он не вернется, а затем стала осматривать комнату в поисках своего потрепанного рюкзака. Найдя, занялась ревизией своих пожитков; ее пальцы проворно пробирались сквозь вещи: вот старая вилдвудская форма, испачканная грязью во время лесного побега, когда она, Саймон, Зак, Квинн и Стелла вырвались из дома школьной медсестры Смит. Ника неосознанно коснулась того места на плече, куда медсестра всадила дозу транквилизатора. Крошечная ранка на плече до сих пор побаливала.

Ника запустила руку глубже в рюкзак и обнаружила красную книжечку с зашифрованным текстом, которую похитила у директора, когда они с Саймоном и Квинном проникли в канцелярию. Потом, в туннеле она остановилась и спрятала книжечку под продранной подкладкой на дне рюкзака – так, на всякий случай. Ника убедилась, что книжечка на месте,

затем затолкала ее обратно, поглубже, в секретное пространство между слоями ткани.

Ее пальцы замерли на деревянном кольце, которое вырезал для нее Квинн, и кулоне-монетке, что подарила ей Магда, домоправительница из Вилдвуда, перед первым Никиным показом. Сердце защемило при воспоминании о Магде. Магда и соседка Ники по комнате, Стелла, мертвы. Убиты Вилдвудской академией. Ника никогда больше не увидит их. Горло перехватил спазм. Ника спрятала дорогие ей безделушки. *Нет времени*. Сейчас на это времени точно не было.

Наконец она вытащила фотографию покойного отца и его армейских друзей, которую Зак подарил ей на прошлое Рождество. Больше в рюкзаке ничего не было, кроме разряженного телефона, который оставался бесполезным.

Ника уставилась на фотографию отца, пытаясь сообразить, что ей делать дальше. Сердце заныло знакомой скорбью, прежде чем ее взгляд скользнул на другого человека в кадре. То был *настоящий Чед*. Чед, за которого выдавал себя байкер, чтобы затащить ее в туннель. Тот байкер, который застрелил охранников Вилдвуда прямо на глазах у Ники и ее друзей. Он разлучил девушку с Интегралом, Эмбер и Квинном, а затем привел к туннелю контрабандистов. Все для того, чтобы притащить сюда, в это место, чем бы оно ни оказалось.

Зачем самозванец привез ее сюда, в этот *закрытый комплекс*, Ника понятия не имела. Но оставаться здесь, чтобы

узнать, она не собиралась.

Она забросила рюкзак на плечо, убедилась, что коридор пуст, и пошла в направлении противоположном тому, где скрылся охранник. По дороге Ника прихватила со стола массивный подсвечник на случай, если ее все-таки обнаружат.

С деревянных балок потолка свисали черные железные светильники. Ника мимолетно глянула на них, стараясь ступать бесшумно по терракотовому полу. Она спустилась по изразцовой лестнице, никого по пути не увидев и не услышав ни одного постороннего звука. Здесь было столь же тихо, сколь великолепно. Ее ладонь вспотела, она сильнее жала подсвечник.

Тошнота и головная боль усилились, когда Ника кралась по другому коридору и сквозь анфиладу резных французских дверей, ведущих во внутренний двор. Снаружи воздух был влажным и липким. Пот стекал ручейками по ее спине и груди. Только сейчас Ника поняла, что она все еще в грязной футболке «Международной корпорации вафель», которую Зак раздобыл для нее, когда они сбежали из Вилдвудской академии. Ника остановилась, чтобы отдышаться.

Ей следовало пить больше, пока была такая возможность. Она сглотнула, не подумав об этом раньше. Но почему она так быстро выдохлась? Что-то пошло не так. Как-то совсем неправильно. Ника попыталась вспомнить туннель. Но все, что смогла припомнить сейчас, – это осознание того, что «Чед» на самом деле не Чед. А еще был страх, что она за-

стрянет в том проходе навсегда, что пути назад не будет. Она вытащила фотографию отца, рассматривала ее в полутьме. Затем дернула рычаг люка, который вел наружу. Ника вспомнила, как белый свет залил промозглое пространство. Сопротивление тянущим ее рукам. Крик.

Горло сжалось при этих воспоминаниях. Сердце колотилось, отдаваясь в ушах. Она пыталась сосредоточиться на своем дыхании и внимательно огляделась.

Стены внутреннего двора были украшены изразцовыми нишами с толстыми свечами и вазами для цветов. Там были также выложенные мозаикой настенные фонтанчики и прогулочная аркада с элегантными витыми арками, которые тянулись от дома, словно обнаженные корни. Утопающие в виноградной лозе арки густо затеняли атриум, но все же солнце просачивалось сквозь щели. Лучи нежного утреннего света полосами легли Нике на руки. Она нахмурилась. Это приятное окружение резко контрастировало с беспокойством, болезненно шевелившимся где-то в животе, как острый рыболовный крючок. Она услышала приближающиеся шаги и вжалась в небольшую нишу. Ника затаила дыхание и до боли сжала кулаки, ожидая, пока шаги начнут удаляться. Что бы это ни было за место, попала она сюда не по своей воле, и нужно отсюда выбраться, прежде чем кто-либо ее заметит и остановит.

Ника на цыпочках прошла мимо бирюзовой гостиной, полной вышитых подушек, а затем вышла в сад. Внешняя

стена была достаточно низкой, чтобы через нее перелезть, если бы только удалось добраться до нее незамеченной. Ника трусцой пересекла небольшой открытый участок и нырнула за большой кактус карнегии.

В отдалении Ника видела еще и еще такие же карнегии, мощные, с ответвлениями толщиной с торс взрослого мужчины, и вьющиеся тонкие можжевельниковые деревья, тянущиеся к солнцу. Кем бы ни был байкер, он выполнил свое обещание.

Мексика.

Она точно была в Мексике. Ее дыхание снова стало частым, а голову сдавило, словно обручем. Нику охватил очередной панический приступ.

Прячась в тени, девушка пробралась мимо двух зданий персикового цвета, похожих на то, в котором она проснулась. Какова роль этого места? Кто здесь живет? Кто бы это ни был, он богат. Комплекс напомнил Нике о шикарной гостинице со спа-салонем, где они когда-то жили с матерью в Аризоне благодаря свободному обхождению Дарьи с чековой книжкой, которую вот-вот должно было постигнуть аннулирование. Здесь тоже сады представляли собой мозаику из мелких прудиков, густых зарослей бугенвиллии и экзотических, похожих на хищных птиц, цветов в горшках. И точно так же, как в том спа-отеле, Ника чувствовала, что ее здесь не должно быть, что ее обнаружат и накажут.

Ника подавила страх и замедлила шаги, передвигаясь от одного уголка сада к другому. Как она решилась довериться этому байкеру? С его жирными длинными волосами и взглядом убийцы. У него на лбу было написано, что он преступник. Тем не менее Ника поверила в его историю и позволила своим друзьям поехать с другими байкерами. Какая же дура!

Впрочем, был ли у нее выбор?

Она тогда только узнала, что Магда и Стелла погибли в огне Вилдвуда, и не была способна здраво рассуждать. Разум помутило горе. Даже сейчас воспоминание возбудило то знакомое чувство, будто кто-то сжимает ее сердце в кулаке.

Предупредительный выстрел – так сказал фальшивый Чед. Вот как он назвал то, в результате чего ее соседка по комнате и домоправительница сгорели заживо. Для Вилдвудской академии это был способ объяснить ребятам, что все серьезно. Заставить их молчать, показав им, что они тоже в шаге от смерти. Вот почему Ника поверила байкеру, когда он настаивал на том, что им нужно как можно быстрее добраться до Мексики. Она поверила ему, когда он сказал, что у Вилдвуда есть связи с полицией. Что Ника уже в черном списке в аэропортах и что ей нужно добираться отдельно от друзей. Через туннель. Ведь план «Чеда» в том и состоял, чтобы разделить их.

Ника на цыпочках пробежала вперед. Стена была уже близко, и путь к ней свободен. И хотя мускулы протестовали, она бросилась на преодоление последнего отрезка. Ника

шла вдоль стены, пока не достигла кованых ворот. Она бросила подсвечник. Дрожащими пальцами вцепилась в ручку, повернула ее и вышла. Мир за воротами был другим, более сухим, как будто мираж в одно мгновение вытолкнул ее в мертвые объятия пустыни.

Слева от нее находилась тесная стоянка с тремя старыми машинами. Ника позволила себе вздох облегчения; она прошла через дом и миновала ворота, не будучи замеченной.

Грунтовая дорога поворачивала от дома завитком, подобно стружке из рубанка, обрамленная жаждущими полива деревьями. Вдалеке виднелось шоссе и невысокие коричневые горы. Металлический блеск, что Ника заметила ранее, все еще мерцал на горизонте. Теперь она была уверена: это заправочная станция – с телефоном, по которому она сможет позвать на помощь. Ника оглянулась. Через ворота было видно скопление домов: *гасиенда*. В голове все встало на свои места, когда она узнала стиль зданий по картинкам из журналов и телевидения.

Кто-то позади нее закричал.

Вздрогнув, Ника отшатнулась от пронзительного звука. Головная боль усилилась, как будто ремень стягивали вокруг ее головы, все туже и туже. Она зажмурилась, желая уменьшить боль. А открыв глаза, увидела мужчину, который, направив на нее пистолет, кричал:

– *Vuelve!*¹

¹ Вернись! (Исп.) – Здесь и далее примеч. ред.

Его тон подходил тюремным надсмотрщикам и грабителям банков.

Ника сделала шаг назад и споткнулась. Сухая земля встретила ее жестко.

Рядом с ней стоял еще один охранник, направляя на нее пистолет. Он выкрикнул несколько слов, которые она не могла понять. Ника отшатнулась назад, словно загнанное в угол животное, подальше от смертельной стали. Теперь уже кричали оба охранника. Поднявшаяся при ее падении пыль попала в лицо и неприятно щекотала глаза.

– *Andale! Vuelve a la casa! Ahora!* ² – рявкнул второй охранник, жестом указывая на дом.

Затем последовали ругательства на испанском, и даже со своим плохим знанием языка Ника могла понять, чего они требовали, – они хотели, чтоб она вернулась. Охранники выглядели нервными: было очевидно, что, зайдя так далеко, она подорвала их авторитет.

Охранник ростом поменьше схватил ее за руку и грубо потянул на себя, вызвав тем дополнительную волну боли, прокатившуюся по Никиному позвоночнику. Оглушительные вопли и дерганье продолжались, пока позади Ники не раздался окрик, пронзивший остальных, словно предупредительный выстрел, и моментально заставивший их замолчать.

² Шевелись! Вернись в дом! Сейчас же! (*Исп.*)

– *Silencio! Déjala ir!*³ – велел тот же голос.

Охранники замерли, и Ника устало подняла свою отяжелевшую голову на этот новый голос. Яркое солнце слепило ее, и все, что она могла видеть, это голову с черными волосами. Сердце екнуло, она затаила дыхание. *Зак.* Его имя отдалось в душе мучительным напоминанием и внезапным жгучим желанием. «*Зак. Зак. Зак*», – громко и ясно прозвучало его имя в ее тяжелой голове – как полицейская сирена, пронизывающая тишину глухой ночи.

Но когда ее глаза привыкли к яркому свету, она рассмотрела красивое молодое лицо, которое вовсе не принадлежало Заку. Глаза Ники наполнились слезами разочарования, стыда и боли – головной боли. Она выпрямилась и уставилась на незнакомца, собирая остатки куража. Красив, но, кроме этого, у него не было ничего общего с тем, за кого она его приняла поначалу. У него загорелая кожа, жесткое выражение лица, темные волосы и крошечные шрамы вдоль бровей.

Парень отдал еще несколько приказов по-испански своим людям, которые немного сникли в его присутствии.

Ника почувствовала слабость в коленках; она низко склонилась и сосредоточилась на дыхании. Парень подошел к ней.

– *Hola*⁴. Меня зовут Бастиан, – представился он, обнаружив мелодичный и сочный выговор. – Могу я вам чем-ни-

³ Молчать! Отпустите ее! (*Исп.*)

⁴ Привет (*исп.*).

будь помочь?

Его английский был беглым, но подчеркнуто правильным. Он, как бы приглашая, указал на дом.

– Я... – начала было Ника, но запнулась, не слишком уверенная в том, хочет ли называть свое настоящее имя.

– ...Ника, – закончил он за нее. – Я знаю.

Ника почувствовала, как от напряжения ей словно кости ломит. Откуда он знает ее имя? Он ли главный владелец дома? Нет, он слишком молод; слишком молод, чтобы владеть целым имением и отдавать приказы вооруженным охранникам. Он не мог быть существенно старше ее. Но он каким-то образом связан с байкером.

Взгляд Ники устремился в пустыню.

– Нам есть о чем поговорить! Может, зайдём в дом? – настаивал Бастиан.

Ника неспешно разогнулась. Но движение было слишком резким, и она покачнулась. Когда Бастиан бросился ей помочь, она подняла руки, жестом показывая, что с ней все в порядке, и подала знак, чтобы он шел вперед. Бастиан подчинился. Ника последовала за ним нарочито медленно, выигрывая время; как только он зашел в ворота, резко развернулась и побежала в открытую пустыню.

Ника чувствовала, что колени не хотят слушаться, но бежала изо всех сил – так быстро, как могла.

В глубине души она знала, что в нее не будут стрелять. Она была нужна им живой.

– Там на сотни миль только пустыня! – услышала она позади крик Бастиана.

Ника не слушала – он лгал. Она испытывала свое сердце и ноги до тех пор, пока те не стали болеть невыносимо, пока боль, переполнив ее, не подступила к горлу вместе с желчью.

Ника ожидала, что Бастиан прикажет охранникам преследовать ее. Она готовилась услышать выстрелы и свист пуль. Вместо этого раздался звук ревущего двигателя. Она ускорила бег. Бастиан сел в одну из тех старых машин, чтобы догнать ее. Ника силой воли подталкивала себя вперед. Все, что ей нужно было сделать, – это приблизиться к заправке. Тогда она сможет звать на помощь.

Ее ноги двигались словно сами по себе. Жара становилась все нестерпимее. Капли пота стекали по лбу и – в глаза. Головная боль стучала кулаками в череп. Машина, обогнав ее, проехала еще два-три десятка метров и остановилась. Из машины вышел Бастиан.

Ника резко повернула вправо.

– Разве ты не хочешь видеть своих друзей? – окликнул он Нику.

Только не оглядываться! Он лжет.

– Интеграл – светлые кудри. У Эмбер длинные рыжие волосы. И надоедливый ирландец в глупой шляпе...

Никин бег трусцой невольно перешел в прогулочный шаг. Ему не так сложно было бы получить описание ее друзей. Достаточно одного звонка байкера, чтобы Бастиан узнал, как

они выглядят... Если только этот парень знает байкера, а он, скорее всего, знает – иначе с какой стати он бы оказался на этой стороне туннеля, по которому послал их Чед? Но ее друзья пробирались своим путем, отдельно от нее, и Бастиан, зная, как они выглядят, наверняка не имел в виду, что они у него. Он все еще мог ей лгать.

– Пожалуйста, позволь мне отвезти тебя обратно в дом, – спокойно сказал Бастиан.

Ника остановилась.

Ее остановило не упоминание друзей, а скорее то, как он говорил, его уверенность. Его тон звучал так, будто он не только хотел ее остановить, но как будто он уже это сделал. Как будто он действительно знал, что ей больше некуда идти. Как будто он был просто удивлен ее поведением. Именно эта уверенность остановила ее. Но разве там не было заправки? Неужели правда в пустыне не было ничего, кроме мерцающих миражей? И да, у нее не было воды, она не продержалась бы даже до конца дня. Она больна и ослаблена. Бастиан знал, что ему не нужно гнаться за ней: продолжи девушка свой побег, то просто погибнет там, в песках.

Ника оглянулась на него. Охранники стояли рядом с машиной, с опущенными вниз пистолетами.

Бастиан поднял руки, как бы сдаваясь.

– Твои друзья внутри; если бы ты проверила перед тем, как бежать, то убедилась бы, что они спят в комнатах, соседних с твоей. – Он показал большим пальцем себе за спину,

жестом голосующего путешественника автостопом. – Клянись.

Он мог бы застрелить ее уже сейчас, если бы хотел. Ника подумала: не похоже, чтобы он собирался причинить ей вред. Еще не сейчас. Он нуждался в ней, для каких-то целей. А ей нужна вода. Ей нужна провизия. Ей нужен лучший план побега.

Ей нужны ее друзья. Ей нужны ответы.

Ника мимоходом глянула в сторону заправки.

– Кстати, эта заправка заброшена. Уже в течение семи лет, – сообщил Бастиан.

Ника прищурилась. Сейчас, будучи чуть ближе, она вроде бы различила полуразрушенный фасад здания. Рядом не было припаркованных машин. Окна разбиты. Бастиан говорил правду. Место заброшено.

Она снова посмотрела на гасиенду. Неужели ее друзья действительно там? Она не была в этом уверена. Пустыня предлагала сомнительную свободу. Гасиенда предлагала ответы. Смирившись, она пошла к парню и его охранникам.

Ника всегда предпочитала ответы свободе.

Она медленно шла, волоча ноги по пыли, чтобы сохранить немного энергии, давая себе шанс чуточку восстановить силы.

– Что это за место? – спросила она, приблизившись наконец к Бастиану.

– Гасиенда де Лос Сантос, – сказал он с улыбкой. – Мой

дом.

Ника пристально посмотрела на него. Как будто пытаюсь увидеть его насквозь.

– Я отведу тебя к твоим друзьям, – уговаривал он.

Ника позволила ему помочь ей пройти в ворота и вернуться в этот странный мираж вечнозеленых садов.

– Есть кто-то, с кем тебе нужно встретиться в первую очередь.

Глава 2

Зак

Зак дождался наступления ночи, чтобы проникнуть в кабинет своего дяди. Поместье Уэйкфилд – дом его детства и резиденция дяди Митчема – представляло собой таинственный лабиринт, наполненный люстрами, мебелью красного дерева и коврами ручной работы, но Зак провел здесь достаточно времени, исследуя и разнюхивая, чтобы знать, где спрятаны самые важные вещи. Если Митчему есть что скрывать, это должно находиться в старинном бюро в его кабинете.

Зак знал, что горничные хранят запасные ключи от всех комнат в кладовке на третьем этаже. Он ведь сам подкупил старшую горничную, чтобы она завела такой порядок и чтобы он мог получать доступ к дядиной коллекции выдержанных виски всякий раз, как ему захочется выпить. В конце концов эту горничную уволили, как и большинство сотрудников Уэйкфилдского поместья, но система с ключами сохранилась.

Зак стащил нужные ключи и направился по коридору к кабинету могущественного магната «Фармы».

Ноги онемели, а в левой лодыжке ощущалась пульсирующая боль. Вероятно, от удара в дверь лимузина. Зак хмурился, хромя. Не следовало ему доверять Сильвио. Когда

их план побега из Вилдвуда зашел в тупик и им понадобились деньги, Зак обратился к Сильвио, личному помощнику своего дяди. В прошлом Сильвио за определенную плату выполнял пожелания Зака. И всегда держал эти поручения в секрете: его грандиозные вечеринки, недельные отлучки... Но в этот раз Сильвио предал его. Когда они отправились на встречу с ним на стоянке, то попали в засаду, и Зак был разлучен со своими одноклассниками и Никой.

Зака затащили в лимузин и удерживали там. Он сопротивлялся, пиная во все стороны и крича. Именно тогда, наверное, он повредил лодыжку, зацепив ногой дверь.

В любом случае все его усилия были напрасны. Зака жестко «упаковали», доставили в усадьбу Уэйкфилд, затащили на второй этаж и бросили в его детскую комнату. Дядя, вероятно, ожидал, что он просто будет сидеть и тихо ждать прощения, как наказанная собака. Как будто его снова поймали на посещении ночного клуба или застукали целующимся со школьной подружкой Вайолет, а не пресекли реальную попытку побега из школы. Попытку по-настоящему изменить свою жизнь.

Митчем знал, где Ника. Зак был уверен, что тот в курсе. Митчем также был в курсе, что Вилдвудская академия ворует таланты. Черт возьми! Его дядя, вероятнее всего, был к этому причастен. Хотя Зак понимал, что дядя мало интересуется талантами, несмотря на то что залы Уэйкфилда были увешаны бесценными шедеврами. Его обширная коллекция

произведений искусства была дымовой завесой для званных обедов и гостей. Дяде Зака не было дела до красоты, таланта или изысканного внутреннего убранства – Митчема волновали только сила и только власть.

Если Митчем сотрудничал с Вилдвудом, значило ли это, что он бросил Вилдвуду на растерзание Нику, Квинна, Интеграла и Эмбер? Отдал их в руки директора? Попытается ли директор убить их? Зак отпер дверь кабинета.

Он должен был найти доказательства причастности Митчема. Затем он сможет пойти в полицию, или обратиться к прессе, или шантажировать Митчема, чтобы тот вернул ему друзей. Осматривая безупречный стол дяди, Зак в глубине души понимал, что это бесполезно, однако не мог же он просто ничего не делать.

Зак пролистал и переверорочил бумаги дяди с небрежностью вора-любителя, нисколько не волнуясь о беспорядке, который он при этом создавал. В любом случае Митчем узнает, что племянник там побывал, – в поместье Уэйкфилда камер было достаточно, чтобы вести собственное реалити-шоу. Зак отбросил банкноты, письма, документы с монограммой и всяческую именную кожгалантерею.

Его внимание привлекла сверкающая рамка в углу кабинета. Фотография Митчема с действующим президентом. Они улыбались и пожимали друг другу руки. Дядя терпеть не мог фотографии, но это был не просто снимок. Это был силовой ход.

Между родственниками не было осязательного семейного сходства. Мюриэль, мать Зака, была красавицей, с кудрями цвета вороньего крыла, выразительными чертами лица и блестящими зелеными глазами, которые унаследовал ее сын. Лишь когда она заболела, часть этой красоты ушла, выжатая из нее, как вода из мочалки. У Зака было узкое лицо с высокими скулами и темные волосы. Митчем же был коренастым и ничуть не элегантным. Неестественного красновато-коричневого цвета волосы он зачесывал «переплюйчиком», чтобы скрыть начинающую лысеть часть головы. Настороженно-мрачный ястребиный взгляд темных глаз, тонкие злые губы – все это выражало коварство. Своим видом на фото Митчем словно утверждал, что он будет похитрее самого президента. Зак раздраженно перевернул рамку, не желая смотреть на самодовольное лицо Митчема.

Он открыл дверцы встроенных в стену шкафчиков. Потом перелистал все файлы на букву «В» и вытащил папку Академии Вилдвуд. Досье оказалось толстым и тяжелым, но школьных заявлений Зака, его аттестатов и результатов за полугодие там не нашлось. На самом деле в папке было не много того, что вообще указывало бы на существование Зака. В основном это был каталог пожертвований Митчема Академии.

Зак широко раскрыл глаза от удивления. Он знал, что Митчем состоял в совете Вилдвуда и что он щедрый спонсор этого заведения. Это нормально для человека, стремящегося

удержать своего племянника в престижной школе, несмотря на буйное поведение и плохие оценки. Оказалось, однако, что его членство в правлении Вилдвуда исчислялось годами еще до того, как Зак начал там обучение. До того даже, как Зак пошел в среднюю школу.

А платежи...

Зак протер глаза и снова посмотрел. Взносы Митчема превышали просто щедрые пожертвования. Это не были даже суммы в стиле «вашего мальчика застукали со спиртным, так что профинансируйте-ка строительство нового библиотечного корпуса». Нет, там были цифры, которые предполагали получение дивидендов: инвестиции. Зак нахмурился: почему Митчем инвестировал в Вилдвудскую академию задолго до того, как туда зачислили его племянника?

Пальцы парня цепко впились в досье. В нем содержалась полезная информация; он понимал интуитивно, что может ее использовать.

Менее года назад газета «Лос-Анджелес Таймс» опубликовала статью о Митчеме. Заку велено было оставаться в своей комнате во время интервью, как, впрочем, во время любого важного события в Уэйкфилде. Тем не менее он прочитал этот материал, когда газета вышла. Он до сих пор помнил имя журналистки. Журналистки, изобразившей Митчема властолюбивым вором в законе, циничным магнатом «Фармы», не заботящимся о человеческой жизни. Зак все еще помнил, как его дядя злился, и помнил собственное зло-

радство, которое пытался скрыть, видя Митчема таким разъяренным.

Зак может найти эту журналистку и, используя ее, напугать Митчема, чтобы тот освободил Нику, где бы та ни была. Он может пригрозить тем, что предоставит журналистке эти файлы и тем даст возможность прессе завершить расследование.

Машина Зака все еще находилась в Академии, в двух с половиной часах езды, в горах Сан-Хасинто, но ключи от всех машин Митчема лежали на кожаном подносе у бара. Написать письмо журналистке было невозможно, поскольку все компьютеры Митчема были запаролены. Зак должен встретиться с ней лично. Он знал, где находится редакция «Лос-Анджелес Таймс». Их большую вывеску было видно даже с автострады. Он мог встретиться с журналисткой и дать ей достаточно информации для небольшой статьи, а затем пригрозить Митчему опубликованием всего остального.

Направляясь к двери, он с кем-то столкнулся. Это был личный помощник Митчема. Сильвио выронил из рук несколько документов, которые большими белыми бабочками приземлились на пол. Зака затрясло от гнева, когда предатель, разлучивший его с Никой, трусливо опустил взгляд и попятился.

– Это была не моя вина... – начал он оправдываться, но тут кулак Зака врезался в его лицо.

Захрустели кости, и брызнула кровь. Зак сгреб изящного

Сильвио за воротник и швырнул к стене.

– Куда они ее забрали? – прорычал Зак. – Куда?!

За вопросом последовал очередной сильный удар, а затем еще один. Дрожащими руками Сильвио вцепился в стиснутые кулаки Зака, побелевшие от напряжения. Ухоженные длинные ногти Сильвио впились в его кожу.

– Я не... – Он не сумел договорить.

Внезапно чьи-то руки легли на плечи Зака. Двое охранников оттащили его от Сильвио, но парень отчаянно дергался в их лапах, пока предатель деловито поправлял свой воротник.

– Достаточно, – донесся знакомый голос из коридора.

Зак посмотрел туда, где стоял Митчем, наблюдавший за ними. Холодный и отстраненный. Сердце Зака оборвалось, когда он перехватил взгляд дяди, направленный на похищенную папку, валявшуюся теперь на полу.

Митчем дернул головой, показывая Сильвио, чтобы тот удалился, и подлый трус, подобрав документы и не глядя в сторону Зака, послушно исчез. Парень с презрением посмотрел ему вслед.

Митчем оглядел разгромленный кабинет, усыпанный бумагами.

– Я не в восторге от беспорядка, который ты здесь устроил, – холодно заметил он, подбирая с пола папку с записями о пожертвованиях.

Зак не переставал дергаться, пытаясь вырваться из рук охранников, которые потащили его по коридору, как ка-

кой-нибудь мешок с картошкой.

– Плевать мне на твой невесторг, – крикнул Зак Митчему, который шел перед ними, не оглядываясь.

Они миновали одну дверь, другую, весь третий этаж, затем спустились на три этажа по служебной лестнице.

Зак понял, что его тащат в подвал. Но зачем? Там не было ничего, кроме антиквариата и дополнительных наборов стульев для модных фармацевтических вечеринок Митчема.

– Зак... – начал Митчем.

Парня передернуло от того, как дядя произнес его имя – как если бы оно было обременительным, несло в себе что-то крайне нежелательное.

– ...честно говоря, я думал, прошедшие годы научили тебя, что лучшая форма самосохранения – это сотрудничество.

Зак собирался сказать что-нибудь обидное и остроумное в ответ, но промолчал, поскольку они как раз достигли подвала. Здесь было пусто: ничего, кроме бетонного пола и низких стен.

Митчем подошел к противоположной стене и набрал код на почти незаметной встроенной клавиатуре.

Зак снова попытался освободиться, но сражаться с могучими охранниками было бесполезно.

– Я тут кое-что перестроил в прошлом году, – желчно усмехнулся Митчем, предвкушая эффект.

Бетонная стена отодвинулась в сторону, открыв тайную

комнату. Обстановка комнаты придавала ей вид лаборатории в соединении с бомбоубежищем. Здесь стояли металлический хирургический стол и стеллажи, заполненные оборудованием. Стены были покрыты панелями с кнопками и ручками. Митчем набрал код на другой клавиатуре, и стеклянная стена отъехала с пугающей скоростью.

– Я всегда полагал, что человеку, которого так ненавидят, как тебя, очень даже может пригодиться секретное убежище, – сказал Зак, когда обрел дар речи.

Митчем снова усмехнулся. Его самодовольная ухмылка бесила племянника.

– Это не убежище.

– А что?.. – глухо проговорил Зак.

Хотя он твердо стоял обеими ногами на бетонном полу, его плечи ослабли от страха. В животе что-то сжалось, и он чувствовал избыток адреналина в крови. Тело больше не ощущалось как собственное, оно мучительно трепетало в руках охранников. Он был пойманной рыбой и беспомощно болтался на леске, приближаясь к берегу, к своему удушью.

– В убежищах люди прячутся сами, – сказал Митчем, – а здесь людей удерживают, не спрашивая их желания.

Он махнул рукой, и прежде чем парень успел опомниться, крепкий охранник, справа от Зака, вонзил шприц ему в шею и надавил на поршень.

Зак пытался сопротивляться, отбиваться, кричать и дер-

гаться, но это было все равно что барахтаться в зыбучих песках.

Охранники затолкали его в комнату, и стеклянная стена вернулась на место. Он был в ловушке. Зак резко бросился на стекло, надеясь перебороть действие успокоительного.

Митчем смотрел на племянника, засунув руки в карманы брюк, смотрел на него как посетитель зоопарка на зверька в клетке. Зак колотил кулаками по стеклу. Стекло не сдвинулось с места. Стерильная тишина комнаты укутала его в кокон, проглотила его. Силы Зака угасали.

– Зачем было колоть мне успокоительное, если ты собирался просто запереть меня здесь! – громко выкрикивал Зак в тишину, надеясь, что слова пройдут сквозь стеклянную преграду.

– Незачем, конечно. Я просто так захотел, – отвечал Митчем и сделал паузу. – Я давал тебе весь мир, Зак. Свободу, богатство, первоклассное образование, а ты просто швырнул это все мне в лицо – и ноль благодарности. Я был очень разочарован, узнав, что ты сбежал из Академии.

Зак фыркнул. «Свобода»? Собрав остатки сил и со всей злости, он в последний раз ударил кулаком по стеклу. Потом пнул его ногой так, что раненая лодыжка снова заныла.

– И этот дом! И Вилдвуд! Все, что ты делал, – это сажал меня в дорогие клетки! Ты обращался со мной как с VIP-заключенным.

Он пытался выглядеть вызывающе и проклинал ребенка

внутри себя, который, вместо этого бунта, хотел плакать. Ребенок хотел свернуться калачиком и умереть прямо на холодном цементном полу. Тот самый ребенок, который прятался от медсестер после смерти матери.

Зак ослаб под действием препарата, его колени подогнулись, он ссутулился и опустился на пол. Митчем подошел вплотную к перегородке – его дыхание оставляло на стекле запотевший след. Он смотрел на племянника, и на лице его отражалась смесь разочарования и недовольства.

– Мы все пленники своих демонов, – произнес он, положив ладонь на стекло. – Но лишь некоторым из нас достаточно повезло, чтобы иметь золотую клетку.

Митчем повернулся и пошел прочь. У выхода он остановился.

– Возможно, тебе следует больше это ценить.

С этими словами Митчем оставил племянника в покое. Он выключил свет в подвале. Цементная стена вернулась на место. Теперь была только тьма и бесконечная тишина.

Зак почувствовал, как сознание ускользает от него. Когда сон пришел за ним, парень охотно поддался его зову.

Глава 3

Ника

Бастиан помогал Нике пересечь территорию таинственной гасиенды. Но прошла всего минута, и ей понадобилась передышка.

– Дай мне две секунды, – попросила она.

– Не торопись, – успокоил он ее и жестом предложил присесть на край фонтана. Ника проковыляла к воде и села. Вопросы и желчь просились к ней на язык. В голове все еще стучало.

Что с ней происходит? Она была слишком слаба, и, хотя могла теперь вспомнить, как оказалась в Мексике, она совершенно запамятовала, каким образом добралась от туннеля до гасиенды. Что это значит? Ее накачали какими-то препаратами? Оглушили ударом по голове? Мысли когтями царапали разум. И процарапывали все глубже, до глубокой зияющей раны, пóлой и ужасающей.

Ей нужно было непременно увидеться с друзьями.

О ком Бастиан говорил, с кем она должна встретиться в первую очередь? Ника глянула на своего провожатого. Она впервые могла рассмотреть его внимательно. Густые брови, рубцы над ними, шрам на левой щеке. Похоже, он в этой жизни уже получил изрядную порцию ударов. Тем не менее Бастиан не мог быть намного старше ее. Максимум восемна-

дцать. У него сильные руки, с выраженными венами и четко очерченными мышцами и стройное телосложение. Как может такой юный парень распорядиться таким имением?

Бастиан поймал ее взгляд и улыбнулся. У него глаза медового цвета, и ямочки на загорелых щеках. Парень засунул руки в карманы синих льняных штанов, подпоясанных ремнем с претенциозной золотой пряжкой. Он напоминал рекламу летнего одеколona в дьюти-фри. Вроде тех рекламных плакатов на стенах аэропортов в июле. Ника нахмурилась и отвернулась.

Несколько минут миновали в молчании, прерываемом лишь вздохами Ники и пением птиц над головой.

Ника посмотрела на ближайший дом. Более подходящим был бы термин «вилла». Грубые фактурные стены этой виллы были выкрашены в оранжевый цвет. Черепичная крыша, разумеется, терракотового цвета. Тернистая бугенвиллия, небрежно взбирающаяся на нее по передней стене. Ярко-розовые цветы рассыпались по балконам и над парадным входом.

Несмотря на жару, тело Ники покрылось гусиной кожей. Страх и тошнота спрятались у нее в животе, вызывая ощущение, будто она в падающем самолете.

Это место. Этот парень. Это все было неправильно.

– Готова? – спросил он, словно почувствовав ее сомнения.

Бастиан протянул ей руку и помог подняться.

– Отведи меня к моим друзьям, – попросила Ника.

Его ответ был немедленным:

– Не сейчас.

Бастиан вел ее в самый маленький из трех домов. Ника крепко сжала лямки своего рюкзака и побледнела. Бастиан поднял бровь.

– Ты здесь в безопасности, тебе не нужно беспокоиться, – убеждал он Нику.

– Мне было бы безопаснее, если бы ты ответил на несколько вопросов, – следовала она за ним через длинный коридор, мимо ряда ярко окрашенных дверей. – Кто ты? Где я?

– Мы друзья Чеда. Это мой дом. Ты в Мексике. Разве не здесь ты хотела оказаться? – слегка усмехнулся он.

Лжец. Чед не было. Чед был поддельным. Ника не позволила знанию его лжи отразиться на ее лице.

– Я знаю, что я в Мексике. Но как я сюда попала? Из туннеля?

Он оглянулся.

– Ты не помнишь?

Ника отрицательно покачала головой.

Бастиан пожал плечами.

– Возможно, память еще вернется к тебе, – пообещал он.

Ледяной холодок пробежал по позвоночнику Ники. «Возможно, память еще вернется к тебе». Знает ли он, что Вилдвудская академия хотела забрать ее фотографическую память? Может, он работает на них? Ника замедлила шаги, теперь она едва волочила ноги по плитке.

– К кому ты меня ведешь?

– *Jefe*.

– Кефе?

– Хе-фе, – деликатно исправил он ее произношение. –

Иначе говоря, босс, глава дома.

Он повел ее по широкой лестнице на второй этаж. Ника пыталась систематизировать информацию, чтобы понять, насколько опасно ее положение. Ясно было одно: кем бы ни был этот Хефе, он был богатым, очень богатым, если, конечно, роскошное жилье можно считать объективным показателем. Бастиан остановился и постучал в арочную дверь.

– *Entrar*⁵, – раздался голос.

Бастиан открыл дверь для Ники, и она вошла в просторный, богато обставленный кабинет. Там, на дорогом кожаном диване лежал загорелый мужчина солидного возраста.

Ника до этого момента не представляла себе, чего ей ожидать, как должен выглядеть этот Хефе: то ли у него шрамы на лице, как у Бастиана, то ли он окажется грозным, как директор Вилдвуда. Но этот человек, лет пятидесяти, оказался довольно красив и ухожен. Развалившись на диване с задранными ногами, он походил на расслабившегося пациента на приеме у психолога. У него были темные, но с сильной проседью волосы и дружелюбное выражение лица. Он присел и улыбнулся девушке.

– *Ола*, Ника, тебе уже получше? – спросил мужчина.

⁵ Войдите (*исп.*).

У него был приятный мягкий выговор, как у Бастиана.

Ника осторожно оценивала его. Как и Бастиан, он знал ее имя – даже ее прозвище. При том, что она им ничего о себе не сообщала. Наверное, им Чед рассказал все о ней?

– Добро пожаловать в мой дом. Я полагаю, Бастиан ясно дал тебе понять, что ты в безопасности и являешься здесь желанной гостьей, – продолжил мужчина.

– «В безопасности»... хм, – повторила Ника его слова. – Ваши охранники направляли на меня свое оружие.

Хефе обернулся к Бастиану и спросил его о чем-то по-испански, Ника не могла следить за их беседой. Бастиан отвечал ему, щедро жестикулируя.

– Понятно, – мягко сказал, наконец, Хефе. – Извини. Они очень серьезно относятся к своей работе.

– А в чем именно состоит их работа?

Мужчина щелкнул языком.

– Главным образом... охранять гасиенду.

– Главным образом?..

Хефе прищурил свои светло-карие глаза, глядя на Нику. Он встал с дивана и пересел за письменный стол. Ника тем временем продолжала изучать его кабинет – взгляд ее переместился на мини-холодильник, стопку книг, несколько распечатанных пакетов с таблетками на широком столе и какой-то кубический предмет, накрытый черной тканью.

– Знаешь, если бы мои люди не остановили тебя, ты бы проводила время в пустыне, наедине с койотами. – Его глаза

следили за ее взглядом, наблюдая, как она все это воспринимает. – Со змеями... Но хуже всего – обезвоживание.

– Значит, вы оказали мне услугу, похитив меня?

Хефе нахмурился с отвращением.

– Похищение – слишком сильное слово. Давай назовем это условным задержанием.

– Я знаю, что Чед на самом деле не Чед, – заявила Ника, за отсутствием чего-нибудь лучшего.

Она пыталась оценить его реакцию. Почти незаметно Хефе посмотрел на Бастиана, а Бастиан отвел глаза. Лицо Хефе вспыхнуло то ли раздражением, то ли чем-то еще, чего Ника не могла точно определить. Разочарование?

– Да, ты была очень расстроена, когда поняла это. И слишком возбуждена. Мы должны были успокоить тебя ради твоей же безопасности.

Расстроена? У Ники возникло слабое воспоминание о тянущихся к ней руках. Она сопротивляется им... Осознание проникло в ее тело холодом и сосредоточилось где-то в области желудка.

– Так вы меня усыпили? После туннеля?

– Да.

Ника приняла эту информацию, как таблетку, и она стала растворяться у нее на языке – горьким резким вкусом, липко осевшим в горле. Она чувствовала себя преданной. Одновременно Ника ощутила некое болезненное облегчение. Теперь нашлось объяснение ее тошноте и частичной потере па-

мяти. Ее память не украли. Это лишь последствия действия препарата. По крайней мере, это уже было что-то.

– Итак, вы ввезли меня нелегально в Мексику, усыпили, а затем доставили сюда. Зачем? Что вам от меня нужно? Где мои друзья?

Хефе потер переносицу двумя пальцами, словно пытаюсь избавиться от головной боли.

– Твои друзья внизу, завтракают.

Ника двинулась к двери, но Бастиан преградил ей путь.

– Ты увидишь их через мгновение, – продолжил Хефе. – А прежде у меня к тебе несколько вопросов. Пожалуйста, сядь, – указал он на стул.

– Я лучше постою.

Хефе улыбнулся, как будто находил ее поведение забавным.

– Очень хорошо, – согласился он. – Когда вы проникли в кабинет директора Вилдвудской академии, ты кое-что там позаимствовала. Я хочу знать, где оно, – огорошил он ее.

Красная книжечка. Усилием воли Ника заставила замереть все мышцы лица, сохраняя непроницаемое выражение, и сумела удержаться от того, чтобы глянуть на висевший у нее на руке рюкзак.

– Понятия не имею, о чем речь, – пожалала она плечами.

– Нет смысла отрицать. Мы знаем, ты что-то взяла.

– Почему бы вам не спросить своих друзей в Вилдвуде, что именно я якобы взяла? Я не смогу вам помочь, если не

буду знать, что вы ищете.

– Я уверен, ты понимаешь, что, если бы я сотрудничал с Вилдвудской академией, тебя бы здесь не было, вы все были бы мертвы, – наклонился вперед Хефе. – Теперь вернемся к моему вопросу. Ты что-то украла. Я хочу это. Где оно сейчас?

Если они не сотрудничают с Вилдвудом, то кто эти люди? Знают ли они Митчема, дядю Зака? Чушь какая-то. Если Хефе называет книжечку «это» и «оно», то, возможно, он действительно не знает, о чем конкретно речь.

– Обыщи ее, – велел Хефе Бастиану.

Ника попятилась.

– Мы уже обыскали все ее вещи. Ничего там нет, – покачал головой Бастиан.

Хефе в ответ на слова помощника закатил глаза.

– Веро-ника, – медленно произнес он ее полное имя, словно угрожая (Ника заметила, что его глаза все-таки не карие, а тоже медового цвета, только более темного оттенка, как нефильТРованный мед), – будет намного проще, если ты согласишься по-хорошему.

Эти люди слишком много знали о ней. Если они не заодно с Вилдвудской академией, то откуда у них столько информации?

– Я соглашаюсь в обмен на ответы, – сказала Ника, хотя и не собиралась отдавать красную книжечку. – Этот фальшивый Чед знал массу вещей. – Она сделала паузу, так как

адское давление начало нарастать у нее в глазах. – Он знал многое обо мне, о моей семье. Интимные вещи. Откуда?

Хефе слегка прищурил глаза.

– Ответ в ответ на ответ. Что ты взяла из Вилдвуда?

– Понятия не имею, о чем вы говорите.

Хефе внимательно изучал ее. Каждую линию ее лица – в точности как делала Ника, готовясь нарисовать что-нибудь по памяти. Он снова вздохнул.

На столе зазвонил телефон, и взгляд Хефе остановился на нем. Он кивнул Бастиану, и Ника почувствовала, как рука парня слегка толкнула ее в спину.

– Мы можем продолжить этот разговор позже, – вполне дружелюбно пообещал Хефе.

Ника хотела задать больше вопросов, но уже была по другую сторону двери, прежде чем успела открыть рот. Записная книжка, спрятанная в рюкзаке, казалась теперь якорем, который – как нечто ценное, но и опасное – удерживал ее на месте и одновременно топил, притягивая к морскому дну...

Бастиан провел ее мимо целой галереи живописных картин, изображавших пустынные пейзажи с барханами, кактусами, садоводами в больших сомбреро на голове. Затем, отворив французские двери, пропустил ее в большую кухню-столовую с островом-столом черного мрамора посередине.

Квинн, Интеграл и Эмбер сидели за ним, вокруг кучи тарелок. Железный кулак, стискивавший сердце Ники, немно-

го ослаб, когда она увидела их всех вместе. Ее друзья были в безопасности. Ребята же при виде ее замолчали.

Квинн вскочил со стула так резко, что чуть не поранился о каменный стол. Он сгреб Нику в охапку и уткнулся носом в ее светлые волосы.

Он касался ее рук, ладоней и лица кончиками пальцев, рассматривал, стараясь убедиться, что с ней все в порядке. Его наполненные беспокойством глаза были широко распахнуты, буквально выдавая морские штормы, бушевавшие в его душе. Но вдруг он весело рассмеялся.

Ника покраснела. Ей стало неловко за свой вид, за то, что на ней грязная футболка от «Международной корпорации вафель», пропитанная запахом плесени из туннеля.

– Я думал, ты еще спишь. А то зашел бы за тобой непременно. Я спустился, только чтобы поесть... – торопливо оправдывался Квинн.

Когда он волновался, его ирландский акцент становился заметнее, превращая фразы в звонкую музыкальную импровизацию.

– Привет, Ника, – тихо произнес Интеграл.

Его упругие светлые кудри были спутаны больше, чем обычно. Он прижал мостик очков к переносице – нервный тик, знакомый Нике еще по экзаменационным неделям Вилдвуда.

Квинн провел рукой по своим каштановым волосам, бросив ревниво-обвиняющий взгляд на провожатого Ники.

– Я вижу, ты уже подружилась с нашим восхитительным хозяином, Бастианом, – проворчал он.

– Спокойно, дружище, – отшутился Бастиан. – Я просто помогал ей сориентироваться.

Квинн закатил глаза. Ника переводила взгляд с одного парня на другого, удивляясь, что те не только успели познакомиться, но между ними уже установились какие-то взаимоотношения.

Насколько же ее друзья в курсе происходящего? Знают ли они о вооруженных охранниках? О стене вокруг всего комплекса?

Квинн подвел Нику к столу, где Интеграл и Эмбер по очереди стиснули ее в объятиях.

Позади Интеграла стояла тарелка с целой горой блинчиков.

Ника пристально осмотрела каждого из друзей.

– С вами все в порядке?

– У нас все хорошо, – заверила ее Эмбер.

Улыбка озарила ее веснушчатое лицо. Немытые рыжие волосы были собраны в неаккуратный пучок на макушке. На свою тарелку она набрала кучу фруктов. Несмотря на улыбку, ее зеленые глаза были уставшими и тусклыми, лишенными обычного блеска.

Интеграл макал свернутый треугольником блинчик в лужицу кленового сиропа. Стройная пожилая женщина у плиты готовила очередную порцию. Она оглянулась и улыбну-

лась Нике. Та почувствовала, как внутри закипает гнев, за которым тут же последовал стыд. Она пыталась убежать, запаниковала и испугалась, когда они все сидели здесь, наслаждаясь спокойным завтраком. Их спокойствие бесило ее. Они должны были сразу же прийти за ней.

– Поездка была долгой, – заметил Интеграл. – И когда мы добрались до... как ты это называешь? – повернулся он к Бастиану.

– Гасиенда де Лос Сантос.

– Да... до гасиенды де Лос Сантос, нам сказали, что ты уже спишь. Ты что, плохо себя чувствуешь?

Вот почему они не пришли за ней. Ее друзья понятия не имели, что они в опасности. Ника посмотрела на Бастиана. Тот ответил ей взглядом более чем многозначительным – предостерегающим.

Она хотела объяснить Интегралу, что ее усыпили. Она должна была сказать друзьям, что Чед не был Чедом. Рассказать им о Хефе и красной книжечке. Сообщить, что все в опасности. Но Ника решила подождать, пока Бастиан перестанет нависать над ними, как ястреб. Хотя она уже призналась ему, что знает о фальшивой личине Чеда, обсуждать мотивы их похищения в присутствии соглядатая было не безопасно.

– Ты неважно выглядишь. Тебе нужно поесть, – посоветовала Эмбер.

Ника вернулась к действительности. Она окинула взгля-

дом мраморный стол: кувшины сока гуавы, выпечка в сахарной глазури, вазы с кубиками фруктов... Ее рот наполнился слюной, а сердце – тоской, и она ненавидела себя за это: несмотря на опасения, на желание предостеречь друзей, запах свежей выпечки и горячих блинчиков на мгновение затмил все остальное. А ей нужно было согласовать с друзьями план действий. Ей нужно было удалить Бастиана.

– Да, я и правда чувствую себя неважно, – обратила она невинный взгляд к Бастиану. – Мне бы не помешала таблетка «Адвила»⁶.

С понимающей ухмылкой Бастиан полез в ящик, вытащил флакончик безымянных таблеток и демонстративно выставил перед ней лекарство – он, мол, никуда отсюда не уйдет.

Ника видела похожие флакончики в кабинете Хефе. Интеграл при виде таблеток нахмурился – черты его лица приобрели то выражение, которое у него всегда возникало при решении уравнений. Таблетки были определенно не «Адвиллом». На флакончике не было этикетки. Бастиан, скрестив руки, оперся спиной на холодильник и наблюдал за ней.

Ника не притронулась к безымянным таблеткам. Интеграл и Эмбер вернулись к еде, но напряжение оставалось очень ощутимым.

Из заднего кармана Бастиана раздался сигнал мобильного.

⁶ Адвил (Advil) – брендовое название препарата ибупрофен, заменившего в Америке популярный прежде аспирин. (Примеч. перев.)

– Я сейчас вернусь, – пообещал он тоном человека, которого срочно и неожиданно куда-то вызывают. – Постарайтесь хорошо себя вести.

Он одарил их ослепительной улыбкой, от которой на его щеках появились ямочки, достал баночку мексиканской содовой из большого холодильника и ушел.

Ника почувствовала на себе выжидательные взгляды всей троицы.

– Ника, у тебя такой вид, словно тебе явился призрак, – прошептала Эмбер.

– Что не так? – спросил Квинн.

– Что не так? – повторила Ника. – Зак! Магда! Стелла! – взмахнула она обеими руками. – Все это место! Что-нибудь вообще «так»?!

– Тс-с! – резко оборвал ее Квинн.

Выражение его лица стало мрачным. Он полностью преобразился в сравнении с тем, каким беззаботным казался минуту назад.

Интеграл поймал взгляд Ники, и глазами указал куда-то вверх. Ника проследила за его взглядом к месту позади себя и увидела на стене камеру, направленную на них. Квинн показал пальцем на свой глаз: «они могут видеть нас».

Затем показал глазами на стряпуху. Тронул себя за ухо: «они могут также слышать нас».

Ника обиженно оглядела их. Если они знали, что дом небезопасен, то точно должны были прийти и разбудить ее,

а не оставлять одну.

– Такой милый дом, – вслух размышлял Интеграл.

– Такой же милый, как у медсестры Смит, – подтвердил Квинн, уставившись на Нику.

Он имел в виду дом сумасшедшей школьной медсестры Вилдвуда, которая позже оказалась генетиком. Дом, в который они тогда пробрались. Они определенно знали. Ее друзья знали, что они в опасности. Что гасиенда опасна. Вот что они пытались ей сказать.

Ника уставилась на спину поварихи, желая, чтобы та ушла. Она не была уверена даже, говорит ли эта женщина по-английски. Но риск все же оставался. Девушка взялась за еду.

– Итак, – тихо сказала Ника, глядя на Квинна, – ты не фанат Бастиана?

– Он такой, знаешь... немного... как бы сказать? – сделал паузу Квинн, подбирая слово.

– Неприятно привлекательный? – подсказал Интеграл.

Квинн ответил ему раздраженным взглядом.

– Я хотел сказать, «подленький».

– Мне не нравится его аура, – поддержала его Эмбер.

Ника кивнула.

Значит, она была права, не доверяя ему.

Интеграл закатил глаза.

– Квинн невзлюбил его, потому что, когда мы спросили, где ты, он назвал тебя красоткой.

Ника отмахнулась от этого, и вдруг Эмбер закашлялась. Кашель сотрясал ее, отдаваясь целым регистром трескучих и свистящих звуков где-то глубоко в легких.

– Слишком сухой воздух. Пустыня, – небрежно объяснила Эмбер в ответ на встревоженный взгляд Ники.

Интеграл нахмурился, поджав губы. Эмбер строго посмотрела на него. Ника подняла бровь. Что это они? Что-то от нее скрывают?

– Так что, Ника, – отщипнула и положила себе в рот виноградину Эмбер, – как ты сюда добралась?

Стряпуха положила на стол очередную порцию печенья и, перекинув через плечо кухонное полотенце, удалилась из кухни – возможно пошла за какими-то ингредиентами. Она мимоходом улыbnулась Нике, слушая что-то через наушники. Музыка? Как только она ушла, Ника наклонилась вперед, опираясь на локти, и прошептала:

– Чед вовсе не Чед. Он самозванец.

Интеграл снова нахмурился.

– Самозванец?

Ника понизила голос.

– Это ситуация как с «Тристаном», – намекнула она, имея в виду Квинна, изображавшего Тристана Блейка, богатого мальчика из целевого фонда, с которым он поменялся местами, чтобы получить возможность учиться в Вилдвуде вместо него.

Квинн бросил виноватый взгляд на Эмбер и прочистил

горло. Тристан Блейк был тем, кто должен был получить украденный талант Эмбер, но по ошибке он достался Квинну. Ника сразу же пожалела, что сослалась на него.

– Чед выдавал себя за друга моего отца, но это точно не он. У меня есть фото, которое подтверждает это.

– Значит, Чед – или «не Чед» – работает на Вилдвуд? – спросила Эмбер.

Интеграл поморщился.

– Это бессмысленно, он ведь убил тех охранников из Вилдвуда.

Возвращение кухарки из кладовой заставило их замолчать.

Ника была голодна. Она взялась за печенье, от удовольствия закрыв глаза, так что даже не заметила, когда Квинн положил ладонь на ее плечо.

– Ты действительно неважно выглядишь, – сказала Эмбер.

Интеграл одарил ее суровым взглядом, смысл которого остался Нике непонятен.

– Это правда, – согласился с ней Квинн. – Может, тебе стоит обратиться к врачу?

– К врачу? О чем ты?

– В этом доме есть доктор. Мы с Эмбер собираемся показать ему, – сказал Квинн.

– Что? Нет! – взволнованно запротестовала Ника.

– Тс-с, поверь мне, я тоже не в восторге, – прошептал Квинн, поднимая руки и делая знак, чтобы та замолчала. –

Но я сильно обжег ногу выхлопом мотоцикла, а у Эмбер странный кашель, который все усиливается.

Он поднял штанину и показал ей ожог.

– Ой, – сочувственно поморщилась Ника при виде раны. – Но, Квинн, кем бы ни были эти люди, они заботятся о нас не по доброте сердечной. Они чего-то от нас хотят.

Глаза Ники устремились на ее рюкзак, а затем, инстинктивно, на камеру под потолком. *Маленькая красная книжечка.* Она не могла им ее показать – не сейчас, когда за ними наблюдают.

– Я знаю, Ника. Поверь мне, я знаю, – сказал Квинн.

Он встретился взглядом с Интегралом.

Тот поднял вилку с кусочком блинчика.

– Один из моих приемных родителей говаривал: «Бесплатный сыр мы получаем только в мышеловке».

Бастиан вернулся.

– Доктор готов вас принять, – сказал он, обращаясь к Эмбер и Квинну.

Когда Квинн встал, Ника схватила его за запястье и крепко стиснула в объятиях.

Всей кожей она ощутила тепло его тела. Квинн немного напрягся от ее неожиданного жеста.

– Встретимся во внутреннем дворике самого большого дома, когда вы закончите, – прошептала Ника.

Квинн отстранился и кивнул ей.

– Хефе хочет увидеться с тобой позже, сейчас он занят.

Возможно, он освободится после завтрака, – сказал Бастиан Нике.

Он вышел из кухни, за ним последовали Эмбер и Квинн. Интеграл и Ника остались одни.

– Я беспокоюсь об Эмбер, – поделился Интеграл; его глаза с тоской смотрели на дверь, через которую она только что вышла. – Она только вчера узнала, что ее талант украден. Я не представляю себе, как такое влияет на человека психологически. И теперь она вовлечена во всю эту историю с побегом и прочим. А еще... – Интеграл сделал паузу. – В пути она упала в обморок, Ника. Сразу после пересечения границы. Может быть, дело в истощении, я не знаю. Она избегает отвечать на мои расспросы.

Ника с беспокойством посмотрела на дверь, вспоминая странный кашель Эмбер. И то, как это не удивило ее. Как легко она отмахнулась от признаков болезни у Эмбер, несмотря на то, насколько явно они проявились.

– Так что ты думаешь? Чего они хотят от нас? – прервал ее размышления Интеграл.

– Снаружи вооруженные охранники. Они наставили на меня оружие. Меня усыпили, чтобы доставить сюда. Вот почему я спала. Я не хотела ничего говорить в присутствии Бастиана, чтобы они не думали, будто мы беспомощны, будто у нас нет плана.

Интеграл поморщился.

– У нас *нет* плана.

– Пока что нет, но мы должны выбраться отсюда.

Интеграл кивнул.

– Я подумал, что эти люди нам не друзья, когда, проснувшись, обнаружил, что у меня пропало зарядное устройство.

Значит, они обыскали всех, поняла Ника. Просто ее – недостаточно тщательно.

– Камеры, врачи и охранники. Как будто мы снова в Вилдвудской академии, – прошептала она.

– Ника, – хриловато прошептал в ответ Интеграл, – что-то мне подсказывает, что эти люди намного хуже.

Глава 4

Ника

– Мне нужно кое-что тебе показать, – серьезным тоном пробормотал Интеграл, прежде чем они достигли внутреннего двора. После того как они вдвоем закончили завтрак, никто не пытался их остановить, и они пошли к месту назначенной встречи.

Интеграл повел ее через черный ход. Ника сосредоточилась, запоминая помещения и проходы гасиенды. Позже визуальная карта может им пригодиться, рассудила она. Тем временем они поравнялись с рядом гаражей. Большинство из них были закрыты металлическими роллетными воротами, но вне гаражей были припаркованы четыре роскошных автомобиля с тонированными стеклами. Они напоминали черных жуков, чернильно сияющих под жарким солнцем.

Интеграл поднял роллетные ворота последнего гаража, который оказался полон картонных коробок.

– Вчера, когда мы только приехали, я видел, как они разгружали коробки. Кажется, их не особенно заботило, что мы это увидели.

Голос Интеграла доносился будто бы откуда-то издалека. Ее разум уже напряженно работал, Ника прищурила глаза. Она потянулась за незапечатанной коробкой и раскрыла ее. Девушка провела пальцами по маленьким белым коро-

бочкам с таблетками. Они были такими же, как безымянные таблетки, которые она видела на столе у Хефе. Те же, что Бастиан предложил ей на кухне. В этом гараже, должно быть, *сотни и сотни упаковок*, сообразила она. Даже тысячи, складированные до самого потолка. Кто знает, сколько еще спрячано в других местах?

– Я же тебе говорил... – прошептал Интеграл.

Но она не ответила ему. От вида лекарств у нее все похолодело внутри. Хефе торговал нелегальными препаратами? Может, эти таблетки – какая-то форма успокоительного? Поэтому Бастиан предложил ей это средство вместо «Адвила»?

Ника велела Квинну встретиться с ней во внутреннем двореике после посещения врача, потому что дворик легко было найти, легко было в него попасть и, по ее мнению, там могло быть меньше камер, чем в помещениях. В ожидании друзей Интеграл и Ника уселись в нише, где стояла огромная свеча. Ника рассказала ему о встрече с Хефе, ничего не утаив, кроме красной книжечки.

Интеграл нервно почесал затылок.

– Выглядит пугающе, – признал он. – Как думаешь, чего он хочет?

– Я думаю, что он ищет информацию, – предположила Ника, хотя не была в этом уверена.

Но красная книжечка содержит зашифрованный текст; значит, информация в ней представляет какую-то ценность.

Квинн появился в арке, его синие глаза напряженно ис-

кали их. Увидев друзей, он поспешил к ним, расплываясь в улыбке.

Ника почувствовала, как напрягся Интеграл.

– Где Эмбер?

– Все еще у доктора, – ответил Квинн.

Ника подняла бровь.

– Почему ты улыбаешься?

Квинн раскрыл ладонь, показывая маленький мобильник.

– Стащил у медсестры.

Ника выхватила сотовый у него из руки. Телефон! У них был телефон! Надежда вспыхнула в ней ярким и теплым огнем.

Квинн понизил тон.

– Нам не стоит вызвать полицию?

– Ты имеешь в виду местную «полисия»? – скептически поправил его Интеграл.

Ника покачала головой.

– Мы должны подождать, пока вернется Эмбер. Нужно решить, что сказать полиции. Не похоже, что у нас есть весомые доказательства... Мы даже не знаем, ни кто такой этот Хефе, ни местоположения гасиенды. Нам нужен план.

Ника выжидательно посмотрела на Интеграла, и точно так же смотрел на него Квинн.

– Что вы на меня уставились?

– Ты же гений, – отозвалась Ника. – Какой план действий наилучший?

Интеграл потер глаза ладонями.

– Ладно, давайте проанализируем факты, – начал он научным тоном. – Чед или «не Чед», кем бы он ни был, спас нам жизнь. Это факт.

Он провозгласил это так, будто сей факт был для него наивысшей ценностью.

– Те люди из Вилдвуда собирались нас прикончить. Факт. Мы знаем, что они не убивали Зака; они забрали его и, по видимому, отвезли домой, в усадьбу Уэйкфилд.

– Куда? – переспросил Квинн.

– Дом его детства, – уточнил Интеграл.

Ника стиснула зубы.

– Мы этого не знаем.

– Интеграл верно говорит. Все ловушки нам расставил Сильвио, личный помощник его дяди, – подтвердил Квинн, в глазах которого вспыхнул гнев.

Ника крепче стиснула зубы.

– Это не вина Зака.

– Это означает, что, вероятнее всего, за всем этим стоял его дядя, – сказал Интеграл, сочувственно глядя на Нику. – Поэтому можно с уверенностью предположить, что Зак не подвергается непосредственной физической опасности.

Ника неуверенно покачала головой. Ей было недостаточно просто предположить, что Зак не пострадает благодаря своему статусу. Той ночью в лесу, когда он поцеловал ее, Зак говорил, что дядя его недолюбливает. Он говорил, что

Митчем – злой человек. Так что Зак может быть в серьезной опасности. Он, возможно, нуждается в них.

Нике нужно было услышать его голос и почувствовать биевание его сердца. Только тогда она сможет убедиться наверняка, что он в порядке. Желание попытаться пересечь пустыню снова охватило ее, но девушка чувствовала, что ей не разрешат во второй раз так просто выйти за пределы гасиенды.

Интеграл продолжал свои рассуждения:

– Мы также знаем, что фальшивый Чед мог легко нас убить, но он этого не сделал. А это означает, что мы нужнее здесь живыми. Мы знаем, что Вилдвуд опасен и жаждет нашей смерти. У них есть наши паспорта и телефоны, и, по словам Ники, вокруг нас нет ничего, кроме пустыни. Нам нужна информация и тщательно продуманный план побега.

Интеграл взял ее за руку.

– Ник, пообещай мне, что не сделаешь ничего опрометчивого.

Она отпрянула.

– Что это, черт возьми, должно означать?

– Просто ты импульсивная, – осторожно заметил он.

Ника собралась было спорить и возмущаться, но ее остановила молчаливая мольба в его огромных круглых глазах-блюдцах, исполненных надежды. Ника внезапно осознала, что Интеграл моложе ее. Во многих отношениях он был еще ребенком. Его не должно быть здесь. Он должен быть в безопасности.

– Хорошо, – проворчала она. – Я обещаю.

– Больше всего нам нужна информация, – продолжил он. – У нас пока нет достаточных доказательств, чтобы уничтожить Вилдвуд. Мы даже не знаем, чего хотят от нас эти люди. Без информации мы остаемся легкой мишенью...

Ника оглядела пустой дворик.

– Я знаю, с чего можно начать, – прошептала она и вытащила красную книжечку из-под подкладки рюкзака. – *Вот.*

Она сунула книжечку Интегралу в руки. Тот, выпучив глаза, повертел и пролистал ее страницы. Он узнал эту красную кожаную обложку: они видели ее в кабинете директора, когда проникли туда втроем.

– Ты украла ее, – восхищенно произнес Квинн. – Вот ведь злостная преступница!

Хотя оба парня были с ней в ту ночь, Ника держала свою добычу в тайне и не расставалась с ней во время побега. Она не хотела, чтобы они знали, какой опасности она их подвергла из-за своего любопытства и вечной потребности в ответах.

– Там записи зашифрованы, но я уверена, что ты можешь взломать шифр. И это именно то, за чем охотится Хефе, – объяснила Ника.

Квинн широко раскрыл глаза.

– Возможно, там даже есть доказательства похищений Вилдвудом талантов, доказательства, которые нам нужны для победы над Академией, – добавила Ника, хватаясь за идею, как ребенок, тянущий ниточку свитера, от чего все вя-

зание распускается. – Если у нас будут доказательства, мы сможем обратиться в посольство США, как только сбежим отсюда. Они могут привлечь к делу ФБР.

В атриуме раздались аплодисменты. У Ники напряглась спина и, казалось, волосы зашевелились на затылке. Бастиан элегантно выскользнул из-за колоннады. Широко усмехаясь, он хлопал в ладоши.

– Какой замечательный план! – саркастически воскликнул он.

Ника вскочила на ноги, но вокруг уже появились охранники, влетевшие во дворик, словно пчелы в улей.

Интеграл попытался спрятать красную записную книжку за спину, но это было бесполезно. Охранник схватил парня, и Бастиан выхватил книжечку из его рук. Квинн увернулся от охранника и ударил Бастиана в челюсть. Ирландца тут же схватили и оттащили от него.

– Это была очень большая ошибка, – процедил Бастиан, массируя челюсть свободной рукой.

Так же изящно, как появился, он вышел через арочные проходы с красной книжечкой в руке. Зелень внутреннего дворика расплылась у Ники в глазах, она почувствовала, что ее куда-то тянут.

Глава 5

Зак

Зак сидел на операционном столе и осматривался в секретной лаборатории дяди. В голове не укладывалось, что все это время он заперт в подвале дома своего детства. Что ж... в поместье Уэйкфилд было все, что предоставляла фармацевтическая империя, включая обслуживающий персонал и предметы роскоши: редкие картины, современная система безопасности... ну и тайная подземная комната, полная зловещего оборудования.

Зак ежился, когда его взгляд скользил по гладкому металлу, украшенному логотипом «Уэйкфилд Фармасьютикалс». Он слишком ясно помнил, почему в этом роскошном особняке никогда не чувствовал себя дома.

Этот дом был полон тайн и боли.

Он проспал долгое время, пока снотворное оставалось у него в организме. От долгого сна ныли конечности, затекла шея. Он провел узкой ладонью по нижней челюсти, затем нашел место инъекции на шее. Ранка болела при надавливании. Несмотря на действие успокоительного, он чувствовал себя виноватым за долгий сон без сновидений. И это ощущение шевелилось в его животе ленточным червем.

Он вообще не должен был спать. Всего два дня назад он наблюдал, как четверых мужчин убили на парковке. Видел,

как Нику разлучили с ним. Квинн небось не спал все это время, находясь рядом с ней. Такие мысли усилили чувство вины, а затем вызвали острое чувство стыда. Горечь? Соперничество? Зак стряхнул это все с себя. Не время для таких вещей. Он отругал себя за мелочность.

Неожиданный звук заставил его вздрогнуть. Стена снова отодвинулась. Он мог выйти. Неужели дядя решил освободить его? Должно быть, он думает, что Зак достаточно наказан за разрушения в его кабинете. Или у него есть другая причина?

Зак осмотрел комнату в поисках камер. Не нашел ни одной. Понятное дело – Митчем не хотел, чтобы в этой комнате что-то записывалось. Зак вышел из подвала.

«Слишком легко», – подумал он. Слишком это было просто.

Он взбежал наверх, перепрыгивая через две ступеньки, затем остановился и нахмурился. Пробежка вызвала головную боль – побочное действие успокоительного. Зак несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, прислонившись к дверному проему. Он пытался подавить надвигающееся чувство страха. Его дядя был связан с Вилдвудом в течение многих лет. Он построил странную тайную комнату. Для чего все это? Чего хотел Митчем?

Зак мысленно сложил все свои открытия в ящик, как если бы они были предметами, – прием, которому научил его один из психотерапевтов. Окончательно успокоившись, он

толкнул дверь и вышел в холл. Там никого не было.

Зак прошел по мраморному коридору, ведущему в столовую на первом этаже. Белый, предутренный свет лос-анджелесского солнца лился через большие окна, сообщая ему, что он проспал часть предыдущего дня и всю ночь.

Он начал анализировать свое состояние. Тяжесть, тошнота, мигрень, усиливающаяся при движении. Зак был склонен к мигреням, и это не первый случай, когда дядя накачал его успокоительным.

После самоубийства матери Зака, дядя населил поместье множеством медсестер. Все они пытались унять приступы Зака любыми способами, которые считали полезными, – лишь бы было тихо. А чего еще можно ожидать от фармацевтического магната? Любви и обнимашек? Пения хором у костра под гитару?

Нет, какие-либо эмоции в доме Митчема строго дозировались, и кто-то всегда следил за их дозировкой. Зак прикусил губу так, что пошла кровь. Ее металлический вкус наполнил рот.

Не следовало доверять Сильвио. Личный помощник хранил секреты Зака в прошлом, когда речь шла о вечеринках, легкомысленных выходках и побегах с его подружкой, Вайолет. Взамен Зак предоставлял Сильвио щедрые бонусы и доступ к эксклюзивному членству в клубе «Море». Эти взятки могли купить молчание Сильвио в отношении мелких шалостей Зака, но он не осмелился бы нарушить волю Митчема

в серьезном вопросе. Зак должен был бы это понимать. А он повел себя как дурак.

Зак вошел в большую столовую, примерно представляя себе, что он там застанет. Несмотря на то что он этого и ожидал, удивительно было, как мало его заключение в подвале повлияло на утреннюю рутину Митчема. Тот был, как всегда, в идеально отутюженном официальном костюме; в одной руке сложенная газета, в другой – фарфоровая чайная чашка. Его неестественного красно-каштанового цвета волосы тщательно зачесаны «переплюйчиком», тонкие губы поджаты, а холодный взгляд пробежал текст в «Файнэншл Таймс».

Митчем даже не оторвал глаз от газеты, чтобы отреагировать на прибытие племянника. Его невозмутимость бесила Зака. После того как тот запер его в подземном бункере на всю ночь, он просто игнорировал его? После того как он заказал похитить для него чужой талант, он молчит? После всего этого он даже не удостоит его взглядом?

Повседневность сцены этого завтрака обрушилась на Зака, и вспыхнувший внутри него гнев покатился, разрастаясь, как огненный шар. Он посмотрел на трехсотлетнюю китайскую вазу на соседнем торцевом столе, представляя, как разбивает ее на мелкие кусочки. Зак вообразил, как мечется по комнате, слышит, как ломается слоновая кость и звенят осколки фарфора, слышит пронзительные крики персонала. Он мог бы вызвать хаос, если бы захотел; но мгновение спу-

стя почувствовал усталость – усталость от одной лишь мысли обо всем этом. Он не ел больше суток.

Кроме того, Зак знал, что гнев дяди никоим образом не даст ему ответов, которых он жаждал. Поэтому он просто занял место на другом конце огромного стола. Повинуясь его жесту, приятная на вид дама поставила перед ним корзину с хлебом и кофе латте. Он посмотрел на сосредоточенное лицо женщины, и что-то в нем такое шевельнулось... Голод, грусть и воспоминания о любимой няне из детства... С тех пор как Зак, после смерти матери, привязался к одной из своих нянюшек, штат поместья постоянно менялся.

«Привязанность заставляет нас испытывать лишнее горе», – объяснил Митчем, когда неожиданно уволил няню. Зак вспомнил ее, когда увидел новую прислугу. С непроницаемым выражением лица женщина поставила перед ним фарфоровую тарелку с маленькими таблетками и ушла.

– Что это? – проворчал Зак.

– Обычное средство, чтобы успокоить твои нервы после недавних событий.

Зак взял таблетки и бросил их в дядю. Митчем даже не вздрогнул.

Парень внимательно изучал его лицо, ища знаки того, что должно было произойти, – нервное подергивание, хмурый взгляд, хоть какое-нибудь мимическое движение, – но ничего такого не было. Ноль эмоций. Впрочем, как всегда.

Основав фармацевтическую империю с оборотом в

несколько миллиардов долларов, которая унесла столько же жизней, сколько якобы спасла, Митчем освоил способность в любой ситуации сохранять каменное выражение лица, как заправский игрок в покер. Его «Фарма» выпускала неиссякаемым потоком лекарства по завышенной цене и с побочными эффектами, которые, в свою очередь, требовали специального лечения. Таким образом пациенты попадали в ад замкнутого медикаментозного цикла. Некоторые из лекарств были попросту неэффективными. Чтобы колеса бизнеса продолжали вращаться, дядя Митчем «подмазывал» чиновников FDA⁷ и отправлял отдыхать на Мальдивы столько сенаторов с семьями, что и не сосчитать.

Из Митчема не так-то легко было бы извлечь хотя бы крупицу информации. Если Зак намеревался что-нибудь узнать о Нике и каким-то образом выторговать для нее безопасность, ему следовало применить более утонченную стратегию, чем битье китайских ваз.

Зак отпил кофе из чашки. Он пытался изобразить полное спокойствие, но не мог сдержать дрожь в руках.

– Мои одноклассники мертвы? – спросил он с напускным безразличием.

– Нет, они в полной безопасности, – снисходительным тоном ответил Митчем и, сделав большой глоток чая, добавил соли в душевную рану Зака: – Она будет оставаться в без-

⁷ FDA – управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов в США. (Примеч. перев.)

опасности до дальнейших указаний.

«Она... Он в курсе, что я именно о Нике забочусь». У Зака мороз пробежал по позвоночнику. Но он не показал этого.

– «До дальнейших указаний»? – лениво ухмыльнулся он.

– Брось, сынок, ты знаешь, как это устроено. У меня есть то, что нужно тебе, а у тебя есть то, что нужно мне, – заявил Митчем покровительственным, но вполне доброжелательным тоном.

Зак поморщился от слова «сынок».

– А от меня чего ты хочешь, дядя? – поинтересовался он, проклиная себя за то, что голос его звучит скорее устало и вкрадчиво, чем небрежно.

– Всего лишь твоего сотрудничества, – ответил Митчем. – Сотрудничай со мной, и со временем твоя неудачно выбранная игрушка будет возвращена тебе в полностью рабочем состоянии.

В ту же секунду Зак швырнул своей чашкой об стену. Она взорвалась фейерверком брызг и осколков, оставив коричневую кляксу на дорогих обоях.

– Все разрушения в этом доме будут компенсированы из твоего трастового фонда, – сказал Митчем.

Он поплюнул палец и перевернул страницу своей газеты.

– В чем конкретно ты ожидаешь моего сотрудничества? – прорычал Зак.

– Веронику Мейсон подыскали специально для тебя, потому что она была идеальным донором для трансплантации.

Чтобы подавить болезнетворный ген, который ты унаследовал. Мне нужно твое сотрудничество в виде согласия на пересадку от Вероники. Так, чтобы это доставило мне минимальное количество проблем.

Зак не был уверен, чем он больше ошарашен: тем, что услышал правду из уст своего дяди, или тем, что прозвучало имя Ники. Он подумал об Эмбер и о том, что они узнали о людях, перенесших пересадку в Академии Вилдвуда. Некоторые из них умерли. Он не рискнул бы Никой.

– Это не вариант, – твердо заявил он. – Не с ней.

– Тогда я найду кого-нибудь еще, – сухо произнес Митчем. – Ты подвергнешься пересадке. Добровольно. После чего возобновишь свое пребывание в этом имении и будешь мне подчиняться. В обмен я могу пообещать тебе ее безопасность.

– Кто-то другой тоже не вариант, – упорствовал Зак. – И я не твой миньон, найди кого-нибудь другого, кто бы подчинялся тебе.

Ни за что не останется он в этом доме, не станет повиноваться этому монстру.

– Тогда, боюсь, у тебя нет выбора, – сказал Митчем.

– Я уйду и найду ее сам. И я не вернусь, – прошипел Зак нерешительно угрозу, которая повисла в воздухе, как воздушный шар.

– Ты обладаешь разнообразными качествами, Зак, но самоотверженность не в их числе, – изрек Митчем, по-преж-

нему глядя в газету. – Особенно с учетом твоей патологии.

– Нет у меня никакой *патологии*, – процедил Зак сквозь зубы.

Митчем отложил газету.

– Тебе никогда не приходило в голову, что все произошедшее в Вилдвуде было сделано ради того, чтобы защитить тебя?

Он нахмурился. Небольшой проблеск раздражения пробежал по его бесчувственному фасаду, словно жук промчался по тротуару, убегая от приближающихся шагов.

– Каким образом ты мог пытаться защитить меня?

– Используя Веронику, мы могли бы устранить твою патологию. Мы могли бы вылечить тебя. – Повторное использование Митчемом ее имени погрузило Зака в ярость. Его дядя не имел на это права.

У матери Зака рано обнаружили болезнь Альцгеймера. Это был редкий ген, который она, вероятно, передала и сыну. Она покончила с собой, когда симптомы стали слишком выраженными, чтобы справиться с ними.

Зак уставился на дядю, сидевшего на другом конце стола. Под столом его кулаки сжались до боли, вонзая ногти в ладони. Они были влажными от пота. Услышать подтверждение дядиных планов, сделанное вслух, было тяжелее, чем он предполагал.

– Значит, ты думаешь, – рассуждал Зак, – что, украв фотографическую память Ники и пересадив ее мне, вы сможе-

те как-то подавить плохой ген?

– Я не думаю. Я знаю, – отрезал Митчем.

Зак не разобрался в науке, но он понимал ее суть: Митчем не смог спасти свою сестру, но мог использовать Зака в качестве лабораторной крысы, чтобы преуспеть там, где однажды потерпел неудачу.

– У меня нет этой патологии, – непроизвольно повысил Зак голос, который при этом предательски задрожал.

Это невозможно. Он слишком молод. Самый ранний случай в истории произошел у кого-то в возрасте двадцати семи лет. Пройдут годы, пока Зак должен будет этим обеспокоиться. Его дыхание участилось, а сердце сильно защемило там, за ребрами. Встретив холодный взгляд Митчема, он пожалел, что позволил себе проявить столько эмоций. Позволил своему разуму это брожение, а своему дыханию участиться. Показывать свою слабость дяде не было правильной тактикой. Зак чувствовал себя газелью, демонстрирующей льву сломанную лодыжку.

Митчем скривил губы в победоносной ухмылке.

– Никто не застрахован от плохих генов.

С этими словами он встал, отряхнул свой и без того безупречный костюм и пошел к двери.

– Из других новостей, – протянул он, останавливаясь у двери, – дочь Паскаля ждет тебя в холле. Гораздо более подходящая компания, чем эта девушка-донор, если тебе интересно мое мнение, – снова ухмыльнулся он и вышел из сто-

ловой. – И ради бога, съешь что-нибудь.

Зак зарычал в пустоте большой столовой. Его голова все еще гудела. Он был зол и чувствовал себя смертельно уставшим, несмотря на болезненный сон после снотворного. Зак нерешительно откусил кусочек круассана и направился в холл, где его ждала Вайолет.

Глава 6

Ника

Охранники втащили Нику в кабинет Хефе. Тот встретил ее теплым и любопытным взглядом – как будто бы ничего не произошло и трех подростков не приволокли насильно и не бросили в его кабинет, как мешки с картошкой. Ника почувствовала, как рука охранника грубо сжала ее плечо, удерживая на месте.

Бастиан прошептал что-то Хефе на ухо.

– Дай-ка сюда, – велел тот, остановив при этом свой взгляд на Интеграле.

Бастиан протянул ему красную книжечку, и Хефе пролистал ее, всматриваясь в непонятный текст. Через несколько мгновений он поднял голову.

– Почему вы не обнаружили ее во время обыска? – спросил он, уставившись на Бастиана.

Тот неловко переминался с ноги на ногу.

– Она, должно быть, спрятала ее на теле, – наконец ответил он.

Хефе закатил глаза.

– Это не должно было вас остановить, – холодно сказал он.

Бастиан как будто хотел поспорить, но вместо этого указал на книжечку.

– Кажется, они думают, что Интеграл способен это рас-

шифровать, – наябедничал он, стремясь оправдаться и смелить тему. – Я слышал, как они обсуждали это.

– Я бы не смог, даже если бы попытался, – вмешался Интеграл.

Ника знала, что он лжет. Хефе, казалось, тоже это знал. Он поднял густую бровь.

– Ты уверен?

Интеграл пожал плечами.

– Уверен. Я ведь не знаю ключа или принципа шифрования. Без этого невозможно.

Стоя рядом с ним, Ника видела, как Квинн покачал головой, словно о чем-то предупреждая. У Квинна было больше опыта общения с такими опасными людьми. Похоже, что он пытался что-то сказать Интегралу.

– Хм, ну что ж... Хорошо, – улыбнулся Хефе одними губами, глаза его оставались холодными. – По моему опыту, нет ничего невозможного при наличии достаточной мотивации.

Хефе жестом велел Бастиану принести ему кубический предмет, накрытый черной тканью, который Ника заметила еще во время предыдущей встречи. Изящными пальцами Бастиан откинул ткань, словно потянул последнюю завязку на платье любовницы. Под тканью оказалась длинная черная змея, свернувшаяся в клетке.

У Ники напряглись все мышцы тела.

– Я могу создать хорошую мотивацию, – сказал Хефе.

Ника почувствовала, как охранники крепче сжали ее руки. Квинна, стоявшего рядом с ней, они тоже схватили покрепче, оставив без присмотра только Интеграла.

– Вы же не собираетесь?.. – в ужасе залепетал Интеграл, увидев змею.

Но он уже знал ответ на свой вопрос.

Хефе осторожно открыл дверь клетки и достал змею. Узнав своего хозяина, та заскользила вверх по его руке. Маслянисто блестящая, гладкая черная змея извивалась на загорелой коже Хефе. Она зашипела.

Охранник подтолкнул Интеграла вперед.

– Это мексиканская черная гадюка, – произнес Хефе назидательным тоном, как учитель дошкольнику в день открытых дверей, – но я зову ее просто Бонита.

– Пожалуйста, не надо...

Недосказанная мольба Интеграла повисла в воздухе.

– ...позволять ей укусить тебя? – ласково глядя на ползущую по его руке змею, закончил за него Хефе. – Конечно, нет. Это бы помешало тебе взломать код.

Все случилось быстро. Так быстро, что Ника едва успела осознать происходящее. Сначала Бастиан бросил Интегралу красную книжечку и тот ее поймал. Затем Хефе положил змею Квинну на руку. Тот резко вздрогнул. Змее это не понравилось, и она впиалась клыками Квинну в руку.

Ника закричала и бросилась вперед, но ей заломили руки. Змея упала на пол и скользнула прочь, но Бастиан подхватил

ее.

Квинн ошеломленно уставился на рану. На коже выступили две капли крови. Он зажмурил глаза, тяжело дыша и съевшись. Прошло с полминуты. Квинн открыл один глаз. Ничего не происходило. Он моргнул.

– У змеи, конечно, удалены железы, вырабатывающие яд, – засмеялся Хефе. – Иначе я не стал бы с ней играть. Я не сумасшедший.

Бастиан захихикал вслед за ним.

Затем Хефе вытащил шприц из своего мини-холодильника. У Ники екнуло сердце, хотя она и не знала, что в шприце. Квинн зажимал ладонью ранку на руке, из-под его пальцев текла струйка крови.

– Змея, – продолжал тем временем Хефе, постучав по шприцу пальцем, – для драматического эффекта. Мне нравится разыгрывать сцены. Конечно, в прежние времена я бы использовал именно змею. Ах, старые добрые времена, – но-стальгически протянул он, направляясь к Квинну.

Кровотечение из ранки от змеиного укуса не прекращалось.

– А вот это, – показал Хефе шприц Квинну, – синтезированный яд, который мы сами производим. ЦРУ его охотно закупает. Он очень быстро парализует жертву.

Хефе всадил шприц Квинну в шею и выпустил яд.

Квинн, широко раскрыв глаза, попытался сделать шаг назад и не смог. Мгновение спустя охранники отпустили его,

и он упал на колени.

Ника кричала, пока ее голосовые связки не дрогнули, пока не заболело в горле и она смогла только выдавить имя: «Квинн». Слезы текли у нее по лицу.

Квинн начал задыхаться. Он больше не мог стоять на коленях и резко упал вперед.

– Есть противоядие, – небрежно заметил Хефе, глядя на Интеграла.

Он вытащил другой шприц из холодильника.

– Но ввести его нужно в течение пяти минут. Вот сколько времени у тебя есть, чтобы взломать этот код.

От Квинна исходили отчаянные булькающие звуки.

– Интеграл, – всхлипывала Ника, – сделай, что они хотят. Сделай скорее.

Чья-то сухая рука зажала ей рот.

Интеграл больше не слушал. Он начал писать, бессвязно бормоча что-то о ключе, наборе принципов и последовательностей. Он так сильно сжал карандаш, что грифель выглядел как черный коготь.

– Четыре минуты, – сказал Хефе.

Ника плохо видела сквозь слезы. Она ничего не могла сделать, и ей оставалось только молча ждать, предоставив Интегралу минуту тишины, в которой он нуждался. Квинн неподвижно лежал на полу.

Прошла еще одна минута, и он не шевелился. У Ники разрывалось сердце. Не в силах сдержаться, она закричала

в ладонь, зажимавшую ей рот. Она начала считать секунды. Сколько времени прошло с тех пор, как Квинн шевельнулся в последний раз?

– Полторы минуты, – сообщил Хефе, сверяясь со своими часами. Интеграл выругался громко и злобно. Он отбрасывал страницы и строчил так быстро, что Ника была уверена, ему сводит ладонь от боли.

– Вот! – крикнул Интеграл. – У меня готово. Есть первая строка, это адрес.

Бастиан посмотрел на него и кивнул Хефе.

– Чего вы ждете? Я взломал! – закричал Интеграл на Хефе, когда тот не шелохнулся. – Дайте ему противоядие!

Хефе выжидал. Ника завопила.

– Давай, – сказал он наконец, после казавшегося бесконечным мгновения.

Бастиан взял у него шприц и сделал укол.

Ника почувствовала, как расслабился каждый нерв в ее теле, пока он впрыскивал противоядие в руку Квинна. Через минуту Квинн снова начал дышать. Он захрипел, вдыхая воздух. Его лицо исказилось, зрачки расширились – словно затмение солнца в глазах.

– Давайте проясним кое-что. Ты можешь бежать и сражаться, но все твои друзья умрут, – сказал Хефе, глядя на Нику. – Ты тоже умрешь, если не скажешь мне того, что я хочу знать. Это ясно? С этой минуты впредь ты будешь более уступчивой.

На этот раз Ника не возражала.

Интеграла оставили переводить оставшуюся часть зашифрованного текста, Нику же заперли в комнате, в которой она спала. Дверь за ней захлопнулась. Послышался металлический лязг запираемого замка. Девушка уставилась на дверь.

Интеграл был прав, эти люди похуже любого Вилдвуда. Опасные. Кровожадные. Змеиная нора.

Ника вздрогнула от воспоминания о змее, о клыках, впи- вающихся в плоть Квинна. Квинн. Как он побледнел... Она должна вытащить их из этой западни, немедленно.

Ника вытащила украденный телефон из заднего кармана и посмотрела на экран. *«Не обслуживается»*. Она выругалась. Долго и сильно нажимала кнопку SOS, пока та не сработала. Ей ответила аварийная линия. Автоматизированное сообщение: *«Ждите ответа оператора»*. Она снова выругалась и пнула огромный вазон с растением, возбужденно рас- хаживая по комнате. Оператор ответила по-испански.

– Английский! Вы говорите по-английски? – задыхаясь прокричала Ника.

– Да, мисс, что у вас случилось? – ответил женский голос.

– Меня удерживают против моей воли. Я гражданка США, меня зовут Вероника Мейсон. Вам нужно позвонить в посольство США и...

Снаружи в замок вставили ключ. У Ники заняло в желудке. Дверная ручка поворачивалась.

– Вы должны отследить звонок и приехать сюда, – успела она прошипеть в трубку, прежде чем дверь распахнулась.

Бастиан уставился на нее с порога, с одеждой в руках. Она смерила его яростным взглядом. Бастиан невозмутимо прошел мимо нее и положил все на кровать. Потом обернулся к Нике и протянул руку. Она не двигалась.

– Не вынуждай меня отнимать силой, – попросил он очень серьезным тоном, как будто действительно не хотел делать ей больно.

Ника взвесила свои шансы, оценила расстояние до двери. Может ли она одолеть Бастиана? Посмотрела на его мускулистые руки. *Сомнительно*. Ника шлепнула телефон ему в ладонь. Бастиан улыбнулся и указал на кровать.

– Чистая одежда.

Ника ответила ему грубым, вульгарным жестом.

– И полотенца, – добавил он, похуже, забавляясь ее гневом, и демонстративно понюхал воздух. – Тебе душ не помешает.

Ника почувствовала, как вспыхнули щеки. Она с размаху ударила его по лицу. Резкий звук пощечины, и на его загорелом лице вспух красный след ладони.

На мгновение Нику охватил ужас. Она сжалась и приготовилась к ответу. Ничего не произошло.

– У тебя удар посильнее, чем у твоего друга Квинна, – улыбнувшись во все зубы, кинул ей Бастиан.

Нику бесило его высокомерие.

– Где мои друзья? – строго спросила она.

– Заперты в своих комнатах, как и ты. Хефе решил, стоит остудить ваш пыл.

Ника отвернулась от него. Но он чего-то ждал. Ника многозначительно посмотрела на дверь. Бастиан, однако, не спешил уходить. Он изучал ее и словно чего-то хотел. Поболтать?

– Какого черта тебе нужно? – удивилась девушка.

Бастиан расправил плечи, словно выходя из ступора.

– Ничего, – сухо ответил он и оставил комнату, заперев за собой дверь.

На короткое мгновение, глядя на спину Бастиана, когда он выходил, Ника будто бы поняла что-то важное. Казалось, он хотел поговорить. Он одинок? Насколько Ника могла судить, он единственный молодой человек на гасиенде. Это было нечто такое, что Ника могла использовать, хотя ей самой не нравилась эта новая часть ее личности, которая каталогизировала слабости людей для последующего использования. Это больше походило на то, как поступает Зак. Она сделала мысленную заметку об этом. Потом подумала о телефоне. По крайней мере, она сделала звонок. Может быть, этого окажется достаточно. Будучи маленькой, она однажды позвонила в полицию и повесила трубку. Они появились через пятнадцать минут, несмотря на то что она ничего не сказала. Может быть, это сработает и в Мексике.

Ника пошла в душ.

Душ представлял собой отдельную комнату, выложенную мозаикой и оснащенную муссонной насадкой для душа. Имелась даже небольшая скамеечка. Это был красивый душ. В следующее мгновение после того, как подумала об этом, Ника почувствовала отвращение к своему восторгу. Это снова напомнило ей о том, как она чувствовала себя в Вилдвуде, особенно после того периода, когда кредиторы забрали ее вещи и они с матерью жили у тети Сони. А ведь каждый элемент роскоши в Вилдвуде восхищал ее.

Тогда она не знала, что всякая роскошь – это золотая обшивка клетки. Точно так сейчас было с этим модным душем.

Ника смотрела, как вода становится коричневой, очищая кожу от грязи. Вода сбегала в сток по спирали, очерчивая завиток, подобный раковине улитки. Ника всегда видела в воде символ решения всех проблем. В ее хаотичной, неприкаянной жизни купание было единственным постоянным элементом. Единственное легко и мгновенно осуществляемое исправление положения. Ей нравилось, что можно так просто справиться с грязью, – мгновение, и грязь исчезла. В отличие от всех других проблем.

Горячая вода облегчила ее боль, но другого рода давление нарастало в глазах. Ника села на скамеечку в ванной. Она больше не могла этого вынести и позволила слезам прорваться наружу. Рыдая, она произвольно повторяла имена тех, кого так отчаянно хотела удержать, так отчаянно хотела спасти. Зак, мама, Квинн, Интеграл, Эмбер. Если бы ей было

дано задумать желание, она бы хотела, чтобы они были в безопасности. Ника провела большим пальцем по струе воды, сбегаящей по отцовскому жетону и заплакала чуть сильнее по тем, кого уже нельзя было спасти. Отец, Магда, Стелла...

Ника вышла из душа; пар тянулся за ней, как белая тень. Она вытерлась и посмотрела на одежду, которую ей выдали. Желтый сарафан до колен. Ника была немного удивлена и раздражена тем, что Бастиан принес ей такое «миленькое». Что она ему, кукла, чтобы в это наряжаться?! Она бы, пожалуй, разодрала это платье и швырнула ему в физиономию, когда он вернется. Знал бы тогда... Но ее собственная одежда была грязной и, он был прав, неприятно пахла.

Ника неохотно переделалась в сарафан и провела пальцами по волосам.

Она прошлась по комнате. Посмотрела в окно. Снова прошлась. Еще раз посмотрела. Окидывая взглядом огромную территорию комплекса, она вдруг заметила неожиданное движение. Сначала она увидела Хефе, идущего вдоль построек, а затем – его верного пса Бастиана. Навстречу им шли двое полицейских.

Ника почувствовала тупое сопротивление толстого стекла, бросившись всем телом на окно. Она заколотила по нему кулаками и закричала:

– Смотри сюда!.. Посмотрите вверх!

Она била, махала руками и бессмысленно металась перед окном. Она была движущейся фигурой, темным маяком.

Она привлечет их взгляды. В любую минуту они могут заметить движение. Движущаяся тень наверху. Их взгляды будут обращены на нее.

Глаза офицера постарше на мгновение усталились на нее и широко раскрылись. Он обернулся к Хефе.

Видел ли он ее? Что он подумал? Не слишком ли она далеко, чтобы он мог понять, в чем дело? Просто девушка в окне? Ника бросилась к растению в большом горшке, обхватила вазон двумя руками и потащила его через комнату к окну.

Потом побежала в ванную, выполоскала мыльницу и набрала в нее воды. Она принесла воду к растению и наполнила мыльницу землей. Как раз настолько, чтобы получилась густая липкая грязь. Взяла щепоть этой массы и провела ею по стеклу. Ей понадобилось несколько попыток, чтобы получилось правильно. Чтобы линия была четкой и жирной. Ника торопилась. Об аккуратности речи не было. Грязь капала ей на платье. Она отступила на шаг. На окне было четко написано «SOS». Они не могли это прозевать.

Ника подбежала к выключателю, включила и выключила свет, а затем – быстрее, с десятков раз для надежности. На улице было солнечно, но они наверняка заметят мерцание и прочитают сообщение.

Она посмотрела в окно. Хефе все еще говорил, а Бастиан стоял позади него, бдительный и молчаливый.

Полицейские нахмурились, разговаривая с Хефе. Это правильно, подумала Ника, *не верьте ему*. Смотрите по сторонам. *Посмотрите вверх*.

Ника мысленно наставляла полицейских. Умоляла их.

Наконец один из них поднял голову. Его глаза встретились

с ее глазами. Все возликовало внутри Ники в это мгновение.

Хефе взял полицейского за плечо, снова привлекая его внимание к беседе. Тот кивнул и улыбнулся. Оба полицейских продолжали кивать как болванчики.

Слишком много согласия. Слишком явное подчинение.

Грязь у Ники на руках начала высыхать, стягивая кожу. Двое полицейских повернулись и пошли вон. Ее взгляд следовал за ними всю дорогу до самой стены, а затем – за пределы комплекса к небольшой автомобильной стоянке.

Куда они идут?

Полицейская машина выехала с территории комплекса, и плечи Ники бессильно опали. Ее дыхание выровнялось не от расслабления, а от сдерживаемого напряжения.

Она подняла свои грязные руки и посмотрела на них. Надпись на окне была ясна как день. Офицер встретился с ней глазами. Очевидно, что он видел ее знаки – ее руки тогда лихорадочно, отчаянно жестикулировали.

У Ники неприятно сосало под ложечкой. Она словно поплыла в этом чужом враждебном пространстве, когда на нее нахлынуло осознание происшедшего: полицейские *видели* ее. Им просто не было до нее дела.

Глава 7

Зак

Зак с решительным видом прошел по коридору до гостиной. Гнев пульсировал, пробегая через все его тело, как электрический ток. Зака соблазняла перспектива разрядиться на ком-то. И вот, пожалуйста, подходящий объект: жеманная и ухоженная миниатюрная брюнетка – полная противоположность Нике.

Фигурка Вайолет вырисовывалась темным силуэтом на фоне бархата дивана и гобеленов. Она была красива и знакома, как сама комната. Зак терпеть не мог ни то, ни другое.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он ледяным тоном.

Обида отразилась на ее лице, и Зак почувствовал удовлетворение, несмотря на слабые упреки совести.

Вайолет откинула черные волосы за плечо и приподняла подбородок.

– Ты исчез, – с вызовом сказала она, щури сине кошачьи глаза. – Я звонила в общежитие, расспрашивала твою домоправительницу, но никто не знал, где ты. Ты пропал. Ты пропустил несколько дней в школе. Я хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

Слои льда, сковывавшие сердце Зака, дали трещину под действием отчаяния, которое он уловил в ее голосе. Кто-то, кто не знал Вайолет, не смог бы этого уловить, но Зак услы-

шал в ее словах искреннее беспокойство. Он был единственным человеком, знавшим эту ее сторону – потерянная девочка за фасадом чопорной юной леди, безнадежно к нему привязанная, искавшая утешения в нем и в их общих воспоминаниях.

Пальцы Вайолет перебирали кончики волос. Она слегка потянула за прядь. Она всегда так делала, когда нервничала.

Его взгляд смягчился.

– Спасибо, что провела меня. Как видишь, я в порядке, – демонстративно развел он руками.

Ее глаза снова прищурились:

– Когда ты вернешься в Вилдвуд?

– Слушай, Вайолет, – вздохнул Зак, – я не могу тебе всего объяснить, но я не вернусь в Академию. Ни сейчас, ни когда-либо еще. – Он беспокойно обернулся и посмотрел в коридор. – Ты должна уйти.

Очередная волна обиды пробежала по почти непроницаемым и совершенным чертам Вайолет. Только когда она встала, Зак осознал, что все это время он стоял. Теперь расстояние между ними сократилось. Она тоже посмотрела в сторону коридора. Тень догадки скользнула в ее глазах.

– Тебе *он* не позволяет вернуться?

Зак был на добрых пятнадцать сантиметров выше нее. Глядя в знакомые синие глаза, он слышал легкую дрожь в ее голосе.

Конечно, Вайолет знала, что за монстр Митчем. Она знала

большинство секретов Зака. Она знала, какие демоны бродят по залам поместья Уэйкфилд, и она все понимала. То есть она понимала, каково это – жить с демонами.

Ее семейная история и обстановка в доме были столь же отвратительны, как у него. Все время, что они были знакомы, Вайолет идеально соответствовала его внутреннему надлому, его темным сторонам, как отражение в зеркале.

Пухлые губки Вайолет нерешительно изогнулись в горькой улыбке. Она протянула руку и уверенно провела своим ухоженным пальчиком по рукаву его рубашки, скользнула им по бицепсу, а затем – ниже.

– Будешь притворяться, будто не скучаешь по мне? – произнесла она своим хрипловатым бархатным голосом.

Глядя на нее сверху вниз, Зак подумал, а не приходило ли ей в голову, чем на самом деле занимаются в Вилдвуде? Должен ли он предупредить ее? Или ей вообще нет до этого дела?

Возможно, Вайолет уже обладала чужим талантом; возможно, именно таким образом она преуспела в своем искусстве? Зак почувствовал, как яд паранойи медленно разливается по его организму. Он отряхнулся от этих подозрений. Они совершенно бессмысленны. Склонность к искусству проявлялась у Вайолет еще с тех пор, как они оба были детьми.

Он хотел рассказать ей все об Академии, но как можно рассказать кому-то подобную дичь? После стольких лет зна-

комства она подумает, что он сошел с ума. Когда Зак не отреагировал на ее блуждающее прикосновение, решимость Вайолет, кажется, немного ослабла. Она безвольно опустила руки, взгляд ее сделался растерянным, а затем злым.

– Зак, почему так быстро все изменилось? – прошептала она голосом, в котором он уловил что-то для нее нехарактерное – сожаление. – Ты должен вернуться. Все должно вернуться к тому, как было прежде. Пора покончить с играми.

Его охватило раздражение. Все далеко не так просто. Она не понимает. Вайолет считает, что все лишь игра: их разрыв, Ника, его побег. Она думает, у него просто была вспышка подросткового своеволия.

– Ты не понимаешь, Вайолет. Я не могу вернуться. Тебе лучше держаться от меня подальше, так будет безопаснее.

Голова у Зака все еще была тяжела от снотворного, и он чувствовал холодный пот на шее. Ему нужно было подумать. Нужно было составить план. Каким-то образом перехитрить Митчема.

Зака немного качнуло, и он сел на диван. Глаза Вайолет снова прищурились в молчаливом вопросе – в точности как бывало в их детстве. Она все еще пыталась определить, не играет ли он с ней в одну из их извращенных игр.

– А помнишь, когда мы были маленькими, твоя мать заплетала мне волосы в корону? – вдруг сказала она, сядя рядом с ним.

Зак не ответил. Настала его очередь задаться вопросом,

не играет ли она в какую-нибудь игру. Зачем она завела речь о его матери?

– Не говори о ней, – прорычал он предостерегающе.

– Я лишь пытаюсь сказать, Зак... что знаю тебя так долго... – прошептала она. – Избегать тебя всегда было безопаснее, но я никогда не выбирала такой вариант. Ты знаешь ведь, что можешь говорить со мной о чем угодно. Неважно, насколько это мрачно. Неважно, насколько опасно.

Вайолет провела пальцами там, где его рука была обнажена. Он забыл, как действительно долго ее знал. Она была единственной из его ровесников, кто все еще помнил его мать, Мюриэль.

В Вилдвуде он так быстро забыл Вайолет ради Ники. Он хотел излить свою тьму ради обещанного света. Вина за резкий и неожиданный разрыв с ней отпечаталась на нем. Даже когда он пытается сделать правильный выбор, он все равно причиняет людям боль.

Зак вдруг перенесся памятью в прошлое. Он вспомнил крошечную Вайолет, ее мать, командующую и недавно разбогатевшую от второго брака. Она переехала со своим отчимом и матерью в особняк по соседству. Летом они ныряли в бассейне, а его мама приносила им фруктовое мороженое. Вайолет заставила родителей отправить ее в Вилдвудскую академию, когда Митчем сказал Заку, что его отошлют из имения. Вайолет не могла остаться дома одна, без него.

Он наклонился, чтобы коснуться ее. На мгновение Заку

захотелось спрятаться в этих воспоминаниях. Погрузиться в дни, предшествовавшие времени, когда он встретил Нику. Легкие, свободные дни. Вайолет тоже склонилась навстречу ему, и он ощутил, какой холодной была ее светлая кожа. Так было всегда, даже когда они были детьми.

Зак готов был полностью поддаться памяти прошлого, вернуться к своей прежней сущности, но тут что-то привлекло его внимание. Что-то серое, большое и внушительное на дальней стене, что-то, казавшееся единственно значимым в этой бессмысленной комнате. *Красивая батальная сцена*. Первая выставленная Никой картина, которую он, с ее разрешения, купил в художественной галерее Вилдвуда. Он увидел тогда в галерее, как она переживала, стоя у своего произведения. Отсветы солнца образовывали ореол вокруг золотистых локонов. Она была преисполнена чистоты – в ее лице, в душевной теплоте ее глаз. Именно благодаря этой невинной доброте казалась она такой непреклонной.

Он захотел стать частью ее мира – пусть даже в ничтожно малой степени. Поэтому и купил картину. Он не мог предложить ей ничего большего, чем свою способность покупать вещи, которые он находил красивыми.

Зак совсем позабыл, что приобретенную картину сразу же отправили в усадьбу Уэйкфилд. Последовавшее Рождество он провел в горах – как всегда, подальше от Митчема, – именно поэтому еще не видел картины. Он моргнул удивленно, не находя объяснения, почему Митчем решил выста-

вить картину на самом видном месте дома. Несомненно, это какая-то очередная извращенная игра.

Зак резко оттолкнул руки Вайолет. Картина напомнила ему о том, кем он хотел стать для Ники, и это не шло в сравнение с мрачным воспоминанием о том, кем он был до нее. Зак хотел поступать правильно. Быть правильным человеком. Нет, он не поставит Вайолет под угрозу. Он не станет использовать ее ради того, чтобы почувствовать себя лучше. У него есть миссия, есть план.

– Вайолет, я думаю, тебе следует уйти. Не возвращайся сюда.

Вайолет вздрогнула, открыла было рот, но ничего не сказала.

– Мне жаль, – проронил Зак, уходя.

Он выразился не фигурально. Проходя мимо знакомой картины, он осознал, что лгал себе, считая, будто был свободен до того, как встретил Нику. Ни одного дня в этом страшном заброшенном доме, в этой жизни, не был он свободен. Именно Ника сделала его свободным. Она привнесла смысл в его жизнь, она помогла ему справиться с безумием.

Взамен теперь он ее найдет и освободит.

Одна из безымянных горничных молча подала Заку ланч в его комнату. Парень не сомневался, что ей строго велено избегать зрительного контакта с ним. Он съел сэндвич, не ощутив его вкуса, не отрывая глаз от портрета своей матери на тумбочке. Зак поймал себя на мысли, что ее улыбка на-

поминает «о волшебных крепостях из подушек и матрасов, о таинственных огнях летней ночью на террасе».

Зак нахмурился. Ему не понравился такой ход мыслей. Он не хотел вспоминать о ее жизнелюбии, о ее способности вносить лучик света в любой, самый непроглядный мрак.

У его матери Мюриэль не было денег. Вероятно, она была единственной из Уэйкфилдов, которая могла этим похвастаться. Ее лишили доступа к семейному состоянию за подростковую беременность и последующее непослушание. За вечный бунт и нежелание подчиняться семья отреклась от нее. Несколько лет они с Заком как-то перебивались. Он не мог вспомнить, что был беден, но мог вспомнить запах плесени в крошечных квартирках; магазины «Все по 99 центов» с неоновым освещением; арендодателей, сердито стучащих в двери, пока они с матерью прятались в темноте. Но его мать как-то справлялась со всем этим. Пока однажды не смогла справиться.

В тот день она привела Зака в поместье Уэйкфилд, прося о милосердии. Митчем принял их. Зак узнал, как одиноко в огромных комнатах и залах дядиного поместья. Митчем выставил множество требований к их пребыванию здесь: в частности, Заку больше нельзя было спать в одной постели с матерью, ему назначили репетиторов и преподавателей языка и уроки этикета.

Через некоторое время Мюриэль сказала, что чувствует холод этого дома на щеках сына и прохладу мрамора на его

коже. Она пыталась поднять ему настроение. Она хороша была в изобретении игр и тайных языков.

– Дядя Митчем заботится о лучшей жизни для нас, – говорила Мюриэль, улыбаясь, и это всегда почему-то звучало как попытка оправдаться.

Однажды она купила Заку секретного хомяка. Мальчик назвал его Ролексом в честь предпочитаемого Митчемом бренда часов. Ему показалось забавным назвать секретного хомячка в честь вещи человека, от которого он должен был держать этого малыша в тайне. Дополнительным бонусом было то, что Ролекс любил кататься в пластиковом шаре, и это бесконечно забавляло Зака. Он любил играть с хомяком и подолгу возился с ним.

Несколько месяцев спустя Мюриэль пришла в голову мысль отправиться с Заком в поход. Митчем был против, но Зак не мог вспомнить, почему именно. Мама сказала, что им придется уехать без Ролекса, но пообещала оставить ему достаточно еды и воды, чтобы тот смог спокойно дожидаться их возвращения.

Зак волновался – а что, если Ролекс съест и выпьет все за один присест? Он рассказал о Ролексе горничной и попросил ее никому не говорить о нем, но поить и кормить хомяка.

Когда Зак вернулся из кемпинга на озере, Ролекс был таким же холодным и твердым, как гранулы его корма. Его неподвижные глаза смотрели из клетки так, словно он был чем-то потрясен. Горничную уволили. Как ни мал был Зак,

он понял, что случилось: Митчем нарочно устроил так, чтобы Ролекс умер.

– Мы устроим ему хорошие похороны, – прошептала мама, сверкнув глазами, в которых стояли слезы, и сжала в ярости кулаки.

Она взяла Зака за руку и стиснула его маленькую ладонь, когда тот смотрел на застывший комочек меха, который так любил гладить и прижимать к себе. Он не плакал.

– Я не хочу, чтоб его съели черви, – сказал Зак.

– Тогда мы его кремируем, – предложила Мюриэль.

Мальчик кивнул.

Они потратили полчаса на приготовления – как бы невзначай срезали самые красивые розы из розария Митчема и стащили кружевную салфетку и длинные спички из кухни. Церемонию решили устроить у старого дуба на заднем дворе. Зак положил завернутого в кружевную салфетку Ролекса на землю возле корней.

Мюриэль достала бутылку янтарной жидкости – Зак узнал ее, бутылка была из дядиной гостиной. Мама налила немного жидкости на салфетку, а затем разложила розы вокруг белого свертка.

Когда она подожгла все это, первой сгорела салфетка. Зак не дрогнул. Выражение его лица не изменилось, когда он увидел крошечное тельце, пожираемое пламенем. Сначала мех, затем плоть, потом обуглились косточки.

Его мать пела. Он и сейчас еще помнил ее голос, как будто

все это произошло вчера. Голос походил на красивое ночное небо, мрачное и темное, усеянное звездами, в форме сверкающих высоких нот. Она спела песню, но такую мрачную и извращенную, что Зак подумал, та сочинила ее экспромтом, прямо на месте:

*Божия коровка, полети на небо,
Там пожар – твой дом горит;
Там твои детки – не неси им хлеба:
Мертвым сном там все уж спит.*

Огонь дал Заку ощущение некоего завершения. Когда все догорело, Мюриэль обернулась к нему со слезами в глазах.

– Я обещаю, мы скоро вырвемся отсюда, – промолвила она.

Но при жизни Мюриэль они так и не выбрались из Уэйкфилдского поместья.

Эта мысль вызволила Зака из власти воспоминаний, будто вырвав его из них парой холодных мокрых рук.

Он был готов уйти. Сейчас или никогда. Зак не проведет более ни одной лишней минуты в этом чертовом доме.

Медленно и мучительно, поскольку каждое движение вызывало пульсирующую или колющую боль, он вытащил из своего шкафа вещевой мешок. Начал собирать вещи. Футболки, штаны, кое-какие туалетные принадлежности и пачку стодолларовых купюр, которые он прятал в своем сейфе.

Своего телефона он не видел с момента прибытия в поме-

стве. Все компьютеры здесь таинственным образом исчезли. В этом не было ничего нового – полная изоляция была любимым наказанием, применяемым Митчемом.

Зак взял в руки книгу о Калифорнии из своей небольшой библиотеки книг о путешествиях, которую он хранил в черном полированном бюро. Еще Мюриэль собрала ее, отмечая места, куда они с Заком планировали когда-нибудь попасть. После того как мать умерла, Митчем избавился от большинства ее вещей, но Зак сумел припрятать книги и ее фотографию. Он вытащил карту штата из книги о Калифорнии и спрятал ее в сумку.

Без каких бы то ни было чувств Зак осмотрел свою роскошную комнату. Наконец он взял с тумбочки маленькую рамку с фотографией матери, когда она была подростком: черные волосы украшены веночком, она смеется, стоя на крыльце.

Митчему не нравились фотографии вообще, а особенно – фотографии сестры, матери Зака, и, возможно из остатков милосердия, никто из прислуги никогда не наябедничал ему об этом снимке, иначе он бы давно выбросил его, как все остальные.

«Помнить – значит вновь переживать, – говаривал Митчем. – Забывать – значит освободиться». Если бы Зак был осторожным, он бы лучше спрятал фотографию, но видеть ее просыпаясь было едва ли не единственным приятным моментом пробуждения в Уэйкфилдском поместье.

Сунув крошечную рамку в сумку, Зак застегнул ее на молнию и, перекинув через плечо, в очередной раз вздрогнул от боли.

Он выскользнул в пустой коридор. У него был большой опыт побегов из поместья со времен, когда он, за бешеные деньги, арендовал квартиры на пару суток и устраивал там вечеринки с непременно участием своих ближайших друзей – Маркуса, Бобби и Вайолет. Зак спустился на первый этаж и незамеченным вышел через вход для прислуги. Проходя мимо модных машин Митчема, он споткнулся и выпрямился, почувствовав необъяснимую усталость в ногах, словно пробирался по колено в вязком болоте.

Зак шел дальше, пока его не остановила картина у ворот. Он быстро нырнул в тень при виде двух незнакомых охранников, которые там дежурили. В прошлом Митчем нанимал одного или двух телохранителей – в числе постоянно изменяющегося штата прислуги, садовников и поваров. Но настоящих вооруженных охранников у ворот Зак видел впервые. Он был раздосадован своим удивлением. Дядю он хорошо знал как садиста и опасного человека. Да, у него не всегда были вооруженные охранники, но у него также не было и лаборатории в подвале, и причастности к незаконному похищению генов. Зак даже предположить не мог, на какое коварство способен сейчас Митчем.

Оглядевшись, он обнаружил участок ограды, который невозможно было увидеть из дома. От охранников его засло-

нял густой кустарник и буйно разросшиеся вьющиеся растения.

Зак замер: наверху ограды торчал ряд шипов, чего раньше не было. Парень выругался – ему придется как-то перебраться через них.

Кряхтя, Зак схватил толстую лиану и подтянулся. Уперся в стену ногой, несмотря на боль в предательски задрожавшем правом бедре. Зак нахмурился и ухватился за лиану повыше. Он чувствовал, как вибрируют его уставшие мышцы, когда изо всех сил пытался поднять собственный вес.

Зак потянулся дальше, остановился, чтобы отдышаться, а затем повторил все снова. Ладони покрылись потом и от этого немного скользили. Толстые грубые ветви лиан оставляли на коже грязь.

Зак двигался вверх, но, когда поднял глаза, перед ним был еще долгий путь. Верх ограды, казалось, отодвигался, как горизонт. Он простирался над ним на какой-то головокружительной высоте, как будто Зак смотрел на небоскреб, грозящий обрушиться на него.

Эдак вся затея теряла смысл. Почему так сложно? Его глаза закрылись, он усилием воли снова широко раскрыл их. Почему же собственное тело его подводит? Действие успокоительных и снотворных средств никогда не ощущалось так долго. Зак так устал, что ему казалось, он тонет; он готов был прислониться головой к стене и немного вздремнуть.

Сопrotивляясь сну, склеивавшему веки, Зак отчаянно

вцепился в лианы. Внезапно те куда-то исчезли. Сон так неодолимо сковывал его, что Зак уже не мог бороться. Он отпустил руки.

И упал. Вниз, вниз, вниз, в черную пропасть.

* * *

Зак сидел на диване в салоне, прилегающем к столовой. Он сжал и разжал кулаки, задаваясь вопросом, что пошло не так. Почему он отпустил ветви? Зак оценил повреждение: левая лодыжка болела гораздо больше, чем ранее, возможно, он ее вывихнул. Одежда была в грязи. Вместо того чтобы перелезть через стену, он упал с нее, без всякой причины отпустив руки.

Он что... уснул? Как это могло случиться? Он проснулся в гостиной. Под ним было подстелено одеяло, чтобы он не испачкал диван в стиле барокко. Где его сумка? Зак запаниковал, вспомнив о фотографии матери.

Он услышал тихий перезвон столового серебра и фарфора из соседней комнаты. Оттуда доносился аромат жареного мяса. Желудок свело от голода. Разве он не ел недавно? Нет, на улице была ночь; со времени обеда миновали часы. Он... упал со стены, а затем потерял сознание? И проснулся несколько часов спустя?

Он недоверчиво покачал головой. Голодный приступ сопровождался тошнотой, от которой Зак скорчился. Он

неохотно поднялся и направился в столовую. Та была освещена тусклым светом люстры и дюжины мерцающих свечей, капавших воском на серебряные подсвечники.

Митчем разрезал большой кусок мяса на изящной фарфоровой тарелке. Стейк с кровью был скорее сырым, чем жареным.

Дядя жестом пригласил Зака занять место напротив него. Ярость охватила племянника, как всегда, когда он видел стоическое, неестественное спокойствие Митчема. Тот стал бы отличным секретным агентом. У него было ноль эмоций. Он состоял из чистейшей силы воли и самоконтроля.

Как только Зак сел напротив дяди, его охватило отчетливое ощущение дежавю. Все это уже повторялось многократно, оставаясь совершенно абсурдным. Ничто в этом доме никогда не имело смысла, но в нем сохранялись свои правила. Свои собственные нездоровые повторяющиеся танец и ритм. Льет ли дождь, сияет ли солнце, жизнь или смерть, ужин всегда будет подан в семь часов.

Когда мать Зака умерла, его просто бесило, что горничная продолжает подавать ему еду в то же время, что и раньше. Это оскорбляло его горе – то, что жизнь проходит точно так же гладко, тем временем как часть его самого ушла безвозвратно.

В конце концов, размеренная рутина поместья сломала его; после того как он отправлял свой ужин обратно на кухню в течение целого месяца, Зак поддался внушительному

ритму поместья и собственному голоду. Но не в этот раз. Он не позволит им снова сломить его.

Он оттолкнул тарелку.

– Как долго я был в отключке?

– Весь день, – отозвался Митчем. – Ты собираешься сделать еще много попыток побега? Если да, я должен предупредить охранников. Присмотр за тобой, на самом деле, не входит их обязанности.

– Как долго ты намерен держать меня в плену? – спросил устало Зак.

– Сколько потребуется.

– Ладно. Тогда я сделаю столько попыток, сколько потребуется.

– Убегая, ты ничего не выиграешь.

– Я ничего не получаю от пребывания здесь.

– Я скажу тебе, где Ника, – предложил дядя.

Зак закатил глаза. Не в правилах Митчема в чем бы то ни было уступать.

– Чего же ты хочешь за такую-то щедрость?

– Всего лишь твоего сотрудничества.

Зак фыркнул. За формулировкой «сотрудничество» может скрываться все что угодно. Но потом он подумал о Нике, о том, как она ему доверяла. Как она смотрела на него. Его решимость вспыхнула, как восковые свечи на столе.

– Я буду сотрудничать, – каркнул он хрипло.

Проклятое горло снова сжалось. Это была ложь, но, воз-

можно, та, которая купит ему информацию. Ему нужно что-то конкретное, чтобы предложить газетчикам.

– Замечательно. Охрана! – позвал Митчем, обернувшись к двери.

Охранник заглянул в комнату. Зак не переставал удивляться. Охранники материализуются в столовой? Сколько их нанял дядя? Отчего вдруг он стал так остро нуждаться в защите?

– Приведи нашу гостью, – приказал Митчем.

Охранник кивнул и исчез. Через минуту он вернулся с маленькой женщиной. Она была в сарафане, руки сложены на животе. Ей было за сорок: «гусиные лапки» у глаз, проседь в волосах.

Она застенчиво улыбнулась Заку – как будто ждала от него одобрения.

Пока Зак смотрел на нее, гостья пересекла столовую и села за стол между ними.

– Это Кэтрин, – представил ее Митчем.

– Привет, рада познакомиться, – сказала Кэтрин.

Ее голос прозвучал как шепот в сравнении с сильным голосом Митчема.

– Хм... Привет, – отозвался Зак.

Он посмотрел на женщину, затем на Митчема, затем снова на нее. Что это за новая игра? Минуты тянулись медленно. Кэтрин, потупившись, молчала. Дядя продолжал есть.

У Зака неприятно сосало под ложечкой. О чем бы ни шла

речь, это что-то точно нехорошее. Он взял нож и вилку и устоялся на еду, которую ему подали.

– У Кэтрин фотографическая память, – сообщил дядя.

Зак окаменел. Женщина улыбнулась ему. У нее была зрительная память как у Ники – вид памяти, которая записывает события в фотографических деталях и сохраняет эти детали навсегда. Заку подумалось, что вот она и его лицо навсегда запомнит. Она смотрела на него как невинный ягненок, готовый к забою.

– После ужина вас обоих подготовят. Учитывая твою чувствительность, – сказал Митчем, указывая вилкой на Зака, – я подумал, что ты захочешь сперва познакомиться с ней.

– «Сперва»? Не понимаю, – отозвался Зак.

Но он понял. И это понимание жгло его изнутри.

Дядя вздохнул и отбросил в сторону свою кремовую салфетку.

– Ты вроде бы собирался сотрудничать?

Зак не ответил. Он не собирался делать эту ситуацию менее абсурдной, вступая в диалог.

– Зак, тебе известно, что я терпеть не могу, когда ты ведешь себя так глупо, – возмутился Митчем.

От раздражения у него пошли красными пятнами щеки; радужки его глаз были черными как обсидиан с отсветами танцующего пламени свечей.

– Кэтрин является добровольным донором. Она хочет этого и получит хорошую компенсацию, поэтому ты не должен

предъявлять никаких возражений. Как только вы подготовитесь, можно делать пересадку.

Кэтрин ободряюще улыбнулась ему.

Зак закричал бы, если бы кто-нибудь снаружи мог услышать его.

Глава 8

Ника

Ника проснулась от слабого щелчка замка и повернула голову к двери, но там никого не было. Девушка посмотрела в окно: было темно, но она все еще могла разглядеть на стекле очертания своего мутного SOS.

Подушка была теплой. Должно быть, она крепко спала. Ника встала и попробовала дверь – открыто, хотя тот, кто открыл дверь, куда-то исчез.

Ника спустилась на кухню и нашла там Квинна, Эмбер и Саймона сидящими вокруг стола-острова. Она с облегчением выдохнула напряжение.

– Все в порядке? – спросила Ника, садясь.

Кухарка взбивала жидкое тесто в большой серебряной миске и что-то смотрела на своем телефоне, который прислонила к тостеру.

Трио мрачно кивнуло.

– Как твой кашель? – спросила она Эмбер.

Мрачный взгляд Эмбер свидетельствовал о том, что она уже в курсе происшествия со змеей.

– Получше, чем рука Квинна, – ответила Эмбер.

Ника вздрогнула при воспоминании о маслянисто-черной спирали и белых клыках. Рука Квинна была перевязана.

– Больно? – тихо спросила Ника.

– Только когда двигаюсь.

Его глаза вспыхнули. Ника погладила пальцами костяшки его кулака в знак утешения. Затем перенесла свое внимание на Саймона.

– Что ты расшифровал в той книжечке?

Интеграл пожал плечами.

– Просто адрес, как я уже сказал. Калифорнийский, насколько я могу судить. Я уверен, что вскоре они заставят меня расшифровать все остальное.

Его плечи опали, он постучал пальцем по красной книжечке, которая лежала рядом с ним. Ника удивилась – как это они позволили ему хранить ее у себя.

– Они отдали ее мне на расшифровку после краткого заключения, – ответил Интеграл на невысказанный вопрос Ники.

– И не боятся, что ты ее уничтожишь? – удивилась Эмбер.

– Чтобы стать змеиным кормом? – покачал головой Интеграл. – Пожалуй, нет.

Ника понизила голос:

– Значит, вас тоже запирают?

Троица дружно кивнула.

– Замки у них не особо... – пробормотал Квинн, оглядываясь на кухарку, чтобы убедиться, что та увлечена просмотром видео. – Легко взломать, – добавил он.

– Может быть, сейчас самое время позвонить в полицию, – предложил Интеграл. – *Телефон*, Ника.

Девушка дождалась, пока кухарка пошла за дополнительными ингредиентами в кладовку.

– Он у Бастиана, – прошептала она.

Квинн выругался себе под нос.

– Как насчет телефона Лупе? – прошептала Эмбер и кивнула в сторону кладовой.

Ника удивилась, когда они успели узнать имя кухарки? Как долго она спала?

– В любом случае, не нужно никому звонить – полиция у них в кармане, – произнесла она шепотом и рассказала о звонке, SOS на стекле и реакции полицейских.

Квинн вытаращил на нее глаза, осознав серьезность ситуации, но ничего не сказал.

Интеграл побледнел.

– Они подкупили полицию?

– Тс-с-с! – прошипела Ника.

Стряпуха Лупе вернулась, и за столом воцарилось неловкое молчание, прерывавшееся лишь короткими ничего не значащими фразами да иногда раскатистым кашлем Эмбер. Воспоминание о змее Хефе тяжелой тучей повисло над компанией.

– Ты с тех пор что-нибудь еще расшифровал? – спросила наконец Ника, обращаясь к Интегралу.

Тот почесал кудрявую макушку.

– Несколько страниц, но это все адреса, – сказал он, сдвинув похожие на пушистых гусениц светлые брови за очками.

Ника тоже нахмурилась. Зачем директору был нужен зашифрованный список адресов? Зачем он теперь так понадобился Хефе? И откуда тот вообще узнал, что Ника взяла красную книжечку? Вернее, Хефе и не знал, что именно она взяла; так почему это неизвестно что так остро ему понадобилось? У Ники голова раскалывалась от вопросов. Ей нужно было больше информации.

Кашель Эмбер сотряс комнату. Саймон обеспокоенно посмотрел в ее сторону.

– А что сказал тебе доктор? – спросила Ника Эмбер.

– Возможно, бронхит, – пожалала плечами та. – Он дал мне флакон с микстурой, которая здорово помогла.

Эмбер, казалось, удивлена этим.

– Что за микстура? – спросил Квинн.

– Не знаю. Думаю, какой-то их фирменный препарат. Они еще дали мне кое-что, чтобы я лучше спала. Я пока это не принимала.

– А ты плохо спишь? – осведомился Интеграл.

– В последнее время плохо... Ну, с тех пор, как...

Она не закончила предложение, но Ника знала, что Эмбер имела в виду. С момента пересадки.

Квинн прочистил горло.

– Они перевязали мне ранку. У них там вроде как лаборатория, где они хранят свои лекарства. Все очень профессионально. Слишком профессионально для обычного дома, – мрачно пояснил он. – Обстановка мне напомнила о медсест-

ре Смит.

– Где эта лаборатория? – спросила Ника.

– На втором этаже среднего дома, – ответила Эмбер.

На кухню зашел охранник. Он не обращал особого внимания на подростков. Спина Ники напряглась, пока Лупе наливала ему чашку кофе из большого стеклянного кувшина, какие бывают в закусочных. Охранник, здоровенный мужчина, поблагодарил Лупе и ушел со своей кружкой.

Кухарка повернулась к ним и сказала что-то по-испански. Квинн ответил ей. Друзья уставились на него в недоумении.

– Ты говоришь по-испански? – пораженно спросил Интеграл.

Квинн улыбнулся.

– Как-то летом, когда моя няня не оплатила счет за кабельное, я провозился с ее антенной, а потом почему-то получилось так, что некоторое время у нас шли сплошные латиноамериканские сериалы, – пожал он плечами. – Они довольно забавные. Вроде того, что она сейчас смотрит на своем телефоне, – кивнул он в сторону Лупе.

– Что она тебе сказала? – спросила Эмбер.

– Сказала, что вынуждена готовить много кофе, чтобы ночные охранники не спали, и что они ленивые.

Интеграл кивнул. Он открыл красную книжечку и принялся за дальнейшую расшифровку.

– Чем больше мы знаем о стиле жизни в этом доме, тем лучше, – пробормотал он себе под нос.

Все понимали, что Интеграл имеет в виду. Чем больше у них информации, тем больше шансов уйти отсюда целыми и невредимыми.

Квинн отнес грязную тарелку в раковину. На обратном пути он остановился позади Лупе и посмотрел через ее плечо на телефон. Одновременно с ней он разразился смехом. Квинн вздрогнул от боли при этом, но все еще улыбался, наблюдая за действием в сериале. Мгновение спустя они снова засмеялись вместе.

Эмбер о чем-то спрашивала Интеграла, но Ника не слушала. Квинн подкинул ей идею, когда упомянул медсестру Смит. И эту идею она с тех пор обдумывала.

«Если тебе нужно добыть какие-то сведения об императоре, лучше всего обратиться к его подручным».

Слова Интеграла, произнесенные им на прошлой неделе возле дома медсестры Смит, прозвучали у Ники в голове. Если они ищут шанс вырваться с гасиенды, ей нужно больше информации. Она должна найти источник. И она знала кое о ком, кто был достаточно одинок, чтобы захотеть с ней общаться.

Она закончила ужин, извинилась перед остальными и пошла искать «подручного».

* * *

Была почти полночь, когда Ника наконец отыскала Басти-

ана. Она бродила по залам, распахивая двери, пока не нашла его в небольшом спортзале в саду. Ника наблюдала, как Бастиан без рубашки наносил удар за ударом по боксерской груше, свисавшей с потолка как дремлющая куколка насекомого. Каждый удар отзывался звуком, похожим на стон. Ника не могла отвести глаз от парня, словно загипнотизированная – нет, не мускулистым телом парня, а тридцатью или около того татуировками, которые переплетались на спине и руках Бастиана.

Там были кобра, демон, образующийся из дыма, девушка в стиле пин-ап и псалмы курсивом, бегущие по холсту плоти. Когда он напрягал мышцы, нанося удары руками и ногами, изображения словно двигались: девушка танцевала, демон извивался, змеи шипели. Внезапно Бастиан остановился. Слово почувствовав ее присутствие, он развернулся и ухмыльнулся.

– *Buenas tardes, señorita*⁸, – раскинул он руки в приветственном жесте. – Заходи.

– Я изучаю территорию, – объяснила Ника.

– Вот как? И что, есть уже открытия?

– Густо татуированный полуодетый молодой человек, – пожалала она плечами и отвела взгляд, давая ему шанс натянуть рубашку.

Бастиан не двигался.

– Хочешь? – предложил он.

⁸ Добрый вечер, сеньорита (исп.).

– Прошу прощения?

Ника проследила за его взглядом, указавшим на боксерскую грушу.

– Ах это...

Она согнула руку, вспоминая ощущение на ладони от пощечины, которую дала ему. С удивлением девушка заметила, что у него на щеке все еще оставалась небольшая красная отметина. Ника кивнула и встала рядом с ним. Она хотела, чтобы он расслабился. Если бы она сумела усыпить его бдительность, информация стала бы доступнее. Ей также очень хотелось что-нибудь ударить. Бастиан принес пару перчаток и помог надеть их.

Он продемонстрировал серию ударов: они были звонкими, точными и быстрыми.

– Давайте посмотрим, что получится у тебя, – сказал Бастиан, останавливая колебания груши двумя руками.

Собрать необходимую для удара ярость Нике было несложно. Немало ее гнезилось в сердце еще с момента посещения кабинета Хефе. Ника сжала кулаки и ударила. Один. Два. Три. Груша чуть-чуть качнулась.

Хм. Недостаточно.

– Еще, – скомандовал Бастиан.

Ника подчинилась.

Еще раз. *Шмяк.*

Еще раз. *Хлоп.*

Еще раз! *Шмяк.*

Ника тяжело дышала. Каждый удар, как выстрел из пистолета, высвобождал небольшую порцию ее ярости.

– Неплохо, – сказал Бастиан. – Видно, что гнев есть, но техники нет. Тебе нужно немного расслабиться. В твоём теле излишек напряжения. Держись на ногах легко.

Бастиан приобнял ее, поправляя стойку, и раздвинул ей ноги легким, но твердым пинком. Она сердито глянула на него через плечо.

– Я сама могу исправить стойку.

– Я не сомневаюсь, – засмеялся Бастиан. – Но гораздо веселее, когда я тебя настраиваю.

Он флиртует с ней, поняла Ника. Это было хорошо: она сможет это использовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.